

Предпосылки восстания¹

Из характеристики пана Ячевского в рассказе Льва Толстого «За что?»: «Он юношей вместе с Мигурским — отцом служил под знаменами Костюшки и всеми силами своей патриотической души ненавидел апокалипсическую, как он называл ее, блудницу Екатерину II и изменника, мерзкого ее любовника Понятовского, и так же верил в восстановление Речи Посполитой, как верил ночью, что к утру опять взойдет солнце. В 12-м году он командовал и в войсках Наполеона, которого он обожал. Погибель Наполеона огорчила его, но он не отчаивался в восстановлении, хотя и искалеченного, но все-таки Царства Польского. Открытие сейма в Варшаве Александром I оживило его надежды, но Священный Союз, реакция во всей Европе, самодурство Константина отдаляли осуществление заветного желания...»

Национально-освободительное движение в Конгрессовом Крлевстве* развивалось тайно, под постоянной угрозой репрессий Зимнего дворца. Царизм постоянно нарушал конституцию 1815 года, что вызывало возмущение поляков.

В 1826 году умер наместник царя — генерал Зайончек, бывший генерал Наполеона, и царь назначил наместником своего брата, великого князя Константина Павловича: по конституции 1815 года наместником русской Польши мог быть или поляк, или член августейшей фамилии. Константин Павлович был женат на польке и хотел разыгрывать в Варшаве роль «обожаемого монарха», но его дикий нрав раздражал поляков.

Они стремились к восстановлению конституционного режима, нарушенного самодержавием.

Шляхта конспирировала в ложах «национального масонства», из которого выросло Towarzystwo Patriotyczne: его целью было восстановление независимого Польского Королевства в его прежних границах (как до разделов или по-польски rozbioryw, инициатива которых исходила от ненавистой Екатерины II. В прежних границах означало «od morza do morza» (от Балтийского до Черного).

Но между шляхтой и польским народом лежала пропасть. Польские крестьяне, chłopi, в 1807 году получили от Наполеона личную свободу, но земли не имели,

1

Мы продолжаем публикацию «Истории Польши», написанной Р. Г. Назировым. О принципах публикации и своеобразии этого труда см. предыдущие части: «Назировский архив» 2014 № 2 и № 3.

* Венский Конгресс 1814-1815 произвел передел Польши: из большей части великого герцогства Варшавского (созданного Наполеоном в 1807) было создано Королевство (Царство) Польское, переданное русскому царю, Пруссия получила Познаньщину, Силезию, Поморье и др. <уг>ие польские земли, Австрия — Галицию и др. — В польской истории Царство Польское называется Kongresowe Krolewstwo (ликвидировано как конституционный режим в 1831 году).

арендовали ее у помещиков и влачили жалкое существование. Освобождение от экономического рабства было для шляхты важнее, чем освобождение от России.

Католическая религия в Конгрессовом королевстве оставалась государственной, но соблюдалась терпимость и к другим вероисповеданиям. По контрасту с быстрым онемечиванием в прусской Польше и на польских землях под властью австрийского императора, нейтральному наблюдателю бросалось в глаза, что в русской Польше всюду звучит польский язык, официальное делопроизводство ведется на польском языке, администрация состоит из поляков.

Угнетение Польши не имело еще ярко выраженного национального характера, но поляки изнывали под гнетом самодержавного деспотизма, шляхта желала восстановления своих традиционных вольностей, средний класс экономически тяготел к западной Европе.

Польская армия, хорошо вооруженная и обученная, с прекрасными офицерскими кадрами (бывшие солдаты Наполеона, «прощенные» царями), не участвовала в турецкой компании 1829 года: причиной тому считали нежелание цесаревича Константина. Он обожал парады и считал, что война портит солдат. Польская армия была его любимой игрушкой.

Заговор с целью убить Николая I во время его коронации польской короной 24 мая 1829 года (spisek koronacyjny Kordiana) не имел результатов.

Когда царь 30 мая 1830 года открыл 4-й сейм, поляки устроили «вызывающую» национальную демонстрацию, которую Николай I охарактеризовал как возможно патриотическую, но определенно вежливую.

Тем временем Патриотическое общество разделилось на «белых» (умеренных) и «красных». Последние еще разделялись на «академиков» (республиканцев) и «военных» (террористов). «Военные» были очень активны, их тайно поддерживал католический костел, который мало делал для «пруссских поляков», совсем ничего не делал для поляков Австрийской империи, где католицизм был государственной религией, но зато яростно боролся против ига «схизматиков» в русской Польше.

В 1830 поляков взволновала Июльская революция в Париже. Брожение в русской Польше, особенно в Варшаве, резко усилилось. Через месяц после Июльской революции произошла революция в Бельгии. При первых же известиях об изгнании Бурбонов из Франции император Николай I приказал готовить 250-тысячную армию для похода в Западную Европу.

Поляков, еще больше, чем Июльская революция, воспламенили события в Нидерландах, которые привели к отпадению южной половины Нидерландов и к образованию нового независимого государства — Бельгии, которое поддерживалось правительством нового французского короля Луи-Филиппа. Бельгийская революция

затрагивала лично Николая I, так как его сестра была женой нидерландского последнего принца. Царь хотел помочь дружественному нидерландскому королевству.

Весть о том, что царь хочет использовать польскую армию для подавления бельгийской революции, вызвала сильное негодование в Варшаве.

Несколько удачных арестов, произведенных правительством, показали заговорщикам, что дальнейшие проволочки могут погубить все дело. Под влиянием Июльской революции в Париже и бельгийской революции тайные группы заговорщиков консолидировались, разработали планы революции и предлагали князю Адаму Чарторыйскому, сенатору Российской империи и члену государственного совета, возглавить движение. Князь Адам отказался, но не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать восстанию.

Начало восстания (по Лавису и Рамбо)

В 6 часов вечера 17(29) ноября 1830 Высоцкий вошел в школу подхорунжих (подпрапорщиков) и сказал:

— Братья, час свободы пробил!

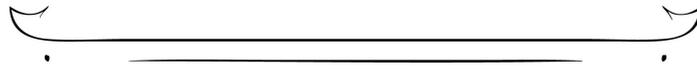
— Да здравствует Польша! — раздался ответный крик, Высоцкий сказал им, что москальи уже начали резню в городе и что надо поторопиться.

В то же время пехотные полки потихоньку вооружились в казармах, а студенты — в Лазенковом лесу.

Высоцкий со 150 подхорунжими напал на казарму гвардейских улан, а 14 заговорщиков побежали к Бельведеру. Сообщники отперли им решетки, окружавшие дворец. В момент, когда они готовились напасть на великого князя, обер-полицмейстер Любовицкий, пришедший к князю с докладом, поднял тревогу и упал, проколотый штыками. Константин, в одном шлафроке, успел бежать и спрятаться в каком-то тайнике. Заговорщики не посмели вломиться к княгине Лович, но убили генерала Жандра. Потом им пришлось удалиться, так как подоспели русские. Константин спасся.

Высоцкий потерпел неудачу у казармы улан. Вскоре к нему на помощь подошли 2000 студентов и толпа рабочих. Дорогой Высоцкий приказал перебить генералов Гауке, Новицкого, Трембицкого и других, виновных в верности своей присяге. Русские полки могли бы подавить восстание в самом начале, но отрезанные в своих казармах, не получая никаких известий и никаких приказаний от великого князя, солдаты бездействовали. С теми из них, кто отважился выйти на улицу, завязался бой.

Большинство польских послов еще сдерживалось своими командирами. Один из них, Жимирский, даже увлек за собой гвардейских конных егерей, защищал во

главе их Краковское предместье и двинул за великим князем, которому удалось бежать за город.

Ночью Константин призвал к себе русские полки, и в 2 часа пополуночи Варшава была совершенно свободна. Княгиня Лович последовала за мужем.

Константин держался очень странно. Когда ему обещали верную победу над мятежниками, он вдруг сказа:

— Вы можете ошибиться: польские войска — лучшие в Европе, и ничто, ручаюсь, не в силах противостоят солдатам, мною воспитанным.

Ему предложили взять город обратно, но он ответил:

— Не желаю вмешиваться в эту польскую драку.

Переворот был совершен «красными». Русские генералы были все пощажены, но шесть польских генералов было убито. Что оставалось делать «белым» — партии Чарторыйского и Калишской оппозиции? Кабинет после убийства военного министра Гауке распался. Оставался Любецкий, министр финансов. Заливский, предупредив, что за ним будут следить, оставил Любецкого на его посту. Командование войсками он предложил генералу Хлопицкому, наполеоновскому ветерану, который отказывался принять это звание от «бунтовщиков», но принял от административного совета.

На Любецкого были возложены труднейшие задачи — добиться удаления Константина, охранять среди анархии законность и конституцию. 30 ноября Любецкий собрал адм<инистративный> совет, который в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное», и делал вид, что управляет от имени «Короля».

Начало восстания

Вечером 17 (29) ноября 1830 года в Варшаве произошел военный путч. Небольшая группа заговорщиков — подхорунжих проникла во Дворец Бельведер, когда великий князь прилег отдохнуть. В последний момент, услышав крики «Смерть тирану», шум и звон оружия, он вскочил с постели в одной сорочке; его спас генерал Любовицкий, который просунулся в опочивальню Константина, крикнул только: «Źle, moŹcie księciu! (Беда, Ваше высочество)» — и тут же был убит подхорунжими. Но цесаревич, предупрежденный Любовицким, успел бежать из опочивальни, переоделся, (т. е. оделся) где-то в одной из верхних комнат, чуть ли не на чердаке, и выскользнул из дворца. Подхорунжие убили также генерала Жандра, приняв его за Константина.

Цесаревич Константин бежал, но восставшие захватили варшавский арсенал и в ночь с 17 на 18 ноября (с 29 на 30) подняли население Варшавы. К заговорщикам

⤵
—————
⤴

присоединились студенты, ремесленники и некоторые части польского войска; захват арсенала позволил заговорщикам вооружить население. Они убили как изменников — военного министра Гауке (родом поляка) и нескольких генералов-поляков, сохранявших лояльность правительству (Станислава Потоцкого, Трембицкого и др.). Несколько русских офицеров попало в плен к восставшим, и в течение ночи кавалерийские отряды цесаревича сделали несколько вылазок в мятежный город с целью их освобождения; большинство русских пленников удалось отбить.

Развитию восстания способствовало крайнее слабодушие цесаревича Константина Павловича. Между русскими частями не было координации; в 7000-м гарнизоне Варшавы было много польских формирований. Поэтому 18 (30) ноября цесаревич с верными частями оставил Варшаву, которая попала в руки восставших.

У восстания не было единого руководства. В польском движении было издавна два течения: 1) аристократическое, во главе с князем Адамом Чарторыйским* и высшими чинами бюрократии и армии (Любецкий, Немоевский и др.), и 2) патриотическое, из мелкой шляхты и интеллигенции, во главе с Лелевелем**, Высоцким, Мохнацким и др. Аристократическая партия высказывалась против вооруженного восстания, но когда оно стало фактом, эта партия тотчас захватила вакантную власть.

Генерал Хлопицкий в ноябре даже скрывался, чтобы избежать приглашения повстанцев возглавить их войска.

В момент восстания власть взял в свои руки Административный Совет во главе с князем Чарторыйским и князем Любецким. Но уже 18 (30) ноября образовался Патриотический клуб, объединивший демократов; главой клуба был Иоахим Лелевель. Клуб потребовал изменения состава Административного совета и введения в него своих представителей. В Административный совет были кооптированы демократы и либералы, в том числе Лелевель, Островский и др.

Тем временем цесаревич Константин учредил свою главную квартиру в селении Вежба (около трех верст от Варшавы) и вступил в переговоры с мятежниками. Магнатская верхушка восстания искала компромисса с царизмом.

*

Adam Jerzy Czartoryjski (1770-1861) – крупнейший магнат, с 1795 находился при русском дворе, личный друг цесаревича Александра Павловича, а после его воцарения вошел в состав «негласного комитета»; в 1804-1807 был министром иностранных дел Российской Империи. В России его называли Адамом Адамовичем Чарторижским. В соответствии с интересами польской аристократии князь Адам добивался восстановления Речи Посполитой под покровительством России. К началу Ноябрьского восстания князь Адам был тайным советником, сенатором Российской Империи, членом Государственного Совета. Выступил сначала как сторонник компромисса с царизмом.

* Иоахим Лелевель (1786-1861) — выдающийся историк и прогрессивный общественный деятель; один из лидеров демократического крыла в польском освободительном движении.

⤿
_____⤿

20 ноября (2 декабря) депутация Административного совета явилась из Варшавы в Вежбну к цесаревичу. Островский и Лелевель составляли более смелую половину депутации. Когда цесаревич милостиво заявил, что не хочет мешать полякам и готов им предоставить возможность самим разобраться в случившемся кровопролитии и покарать виновных, Островский крикнул в ответ: «Здесь нет виновных!» Лелевель сказал Константину, что то, что великий князь видит перед собою, есть не бунт, ale powstanie narodowe; он посоветовал Константину покинуть край.

В Вежбну прибыл генерал Шембек и доложил, что его полки идут на помощь великому князю. Заверив Константина в своей преданности, он отправился к своим полкам и застал там эмиссаров из Варшавы. И Шембек повернул в мятежную столицу. Измена Шембека потрясла Константина: он более не мог полагаться на польские части. Они колебались и готовы были нарушить присягу.

В пятницу 21 ноября (3 декабря нов. стиля) цесаревич дал своим польским частям письменное разрешение вернуться в Варшаву. Позже он объяснял это желанием избавить их от позора самовольного перехода к бунтовщикам. Два генерала поляка — плакали, прощаясь с Константином, а один попросил разрешения проводить его до границы, ибо в тот же день 21 ноября, в 10 часов утра, Константин с русскими войсками начал отход из Польши.

Отступление было мучительным из-за осенней распутицы и нехватки самого необходимого, ибо части были подняты 17 ноября по тревоге и бежали из Варшавы налегке. Настроение отряда было подавленным, хотя варшавское правительство запретило нападать на русский отряд или чинить ему какие-либо препятствия. Отряду Константина не было оказано ни малейшего затруднения, и 1 (13) декабря он переправился через Буг, служивший границей русской Польши, а 2 (14) декабря остановился уже на русской территории.

«Карьера моя кончена!» — не раз повторял цесаревич в кругу близких людей. В письмах к Николаю I он оправдывал большинство поляков, сваливал всю вину на кучку озлобленных людей и просил о снисходительности к польской нации. Император отвечал своему старшему брату очень любезно, полностью извиняя Константина, но высказывал весьма решительные намерения.

При получении известий о польском восстании Николай был испуган. По свидетельству его жены Александры Федоровны он принял эти вести «совершенно блѣднымъ, съ измѣнившимся лицомъ».

Место разных партий в движении 1830 года

—

Коллаборанты были против восстания. Они чувствовали, что оно угрожает им лично. В начале восстания было убито несколько генералов-поляков. Так что вполне понятно, что генерал Красиньский сначала высказался на императора, простив бунтовщиков, а когда эта позиция стала неизбежной — бежал в Петербург, под крыло государя.

«Organiczni» (сторонники «органического развития») тоже были против бунта. Князю Друцкому-Любецкому, Лубеньским восстание портило начатое дело, разрушало с трудом поддерживаемое ими равновесие. Но они не убежали из Варшавы. Они, по выражению, М. Мохнацкого, совершили «nowy rozbiór Polski między braci Łubeńskich». «Органичники» завладели Административным советом, вошли в новое правительство. Томаш Лубеньский в первые дни восстания писал: «Nie piszę do Kochanego Ojca o stanie rzeczy, bo go wcale nie rozumiem, teraz tylko powiedzieć mogę, że powinno się każdego jest zaprowadzić nazad przywrycany porządek».

Но центрическая позиция «органичников» оказалась самой уязвимой. Для Towarzystwa Patriotycznego, для «революционистов» Лубенские и все их союзники были ближайшими врагами. Радикалы призывали к бунту против своей, местной власти. Князь Другацкий-Любецкий после нескольких часов переговоров с Мохнацким сказал: «Z tego wszystkiego, com od Mochnackiego słyszał, co powziąłem przekonanie, iż ma zamiar mnie powiesić».

Но ненависть радикалов вовсе не гарантировала царского одобрения. Другацкий-Любецкий попал в немилость вместе со всем правительством, которое образовал Административный совет: хотя правительство это было умеренным, в глазах царя оно явилось попыткой легализации восстания. Сторонники компромисса так же не нравились царю, как и экстремисты; для жандарма Европы те и другие были бунтовщиками.

Третьей политической ориентацией в Конгрессовом Королевстве, кроме коллаборантов и «органичников», была легальная парламентская оппозиция во главе с братьями Немоевскими. Эта партия высказалась за революцию.

А что с большинством — с простыми людьми? Судьбами солдат правил случай, позиция командования: так, например, uplątany w liczne spiski pułk szaseryw (конных егерей) оказался, в конце концов, на стороне цесаревича Константина — это было определено позицией того же генерала Красиньского.

Большинство просто ожидало развития событий. В ожидании, в испуганном безвластии, рождались мифы. Прежде всего достиг апогея миф о вожде. Он принес ужасающие последствия — привел к жалкой диктатуре Хлопицкого. Как на смех, до него диктатуру предлагали закаменным легалистам, которые были вернее Романовым, чем Польше. С мифом вождя скрестился миф о боевом герое:

очередными вождями охотно избирали тех, которые когда-то (в других странах, в другие времена) показали себя дельными воинами; военный успех должен был гарантировать успехи политические. Отсюда — потрясающий энтузиазм в отношении Хлопицкого.

Но иногда не нужно даже было иметь военного прошлого, ни даже хотеть того, чего хотел народ. 30 января 1831 года сформирован Rząd Narodowy z Adamem Jerzym Czartoryskim na czele, т.е. с вельможей, который возглавлял сторонников конструктивного сотрудничества с царизмом. Это те самые люди, которые презрительно отнеслись к варшавскому восстанию 29 ноября: «zaburzenia przez sto sześćdziesiąt dzieci wszech».

Самым распространенным был миф о порядке. О порядке, которому якобы угрожал якобинизм клубов; о порядке, восстановления которого хотели Лубенские; о порядке, коего именем с дивной последовательностью определяли предыдущую эпоху — эпоху нарушению конституции гражданских прав.

Даже Мохнацкий выступал против парламентаризма — восхвалял правление сильной руки, которое гарантировало бы «настоящий порядок».

Этот миф выражал деморализацию общества, которое отвыкло от свободы.

Дибич, обсуждая в беседе с Вылежиньским свою собственную кандидатуру на пост императорского резидента в Польше, обещал полякам золотые горы за исключением «свободы печати — ее у вас не будет, заранее вас предупреждаю, это вредная вещь, только раздражающая умы». Но подобные речи раздавались в Варшаве, на прениях сейма, — якобы в целях защиты порядка.

А ведь само восстание началось во имя порядка. Во имя конституции, нарушенной цесаревичем, Новосильцевым, двумя царями. По сути дела, восстание было актом легитимистичным. Даже детронизацию Романовых огласили очень поздно, перед лицом неизбежной войны.

К русским не было ненависти. Более того — обращались к русскому народу за помощью против царского деспотизма.

Первым добровольческим формированием в эпоху восстания была gwardia honorowa Хлопицкого, составленная из студентов.

Диктатура Хлопицкого

30 ноября 1830 Любецкий собрал Административный совет, который в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное», и делал вид, что исполняет свои обязанности от имени польского

⤿

короля. Но 30 ноября образовался Патриотический клуб, который потребовал чистки административного совета и ввода в него новых членов (Владислава Островского, Малаховского, Лелевеля), сохранив, однако, Любецкого. Великий князь Константин, окруженный польскими войсками, готовыми его покинуть, и русскими полками, деморализованными и голодными, чувствовал себя крайне неуверенно. Он поспешил принять уполномоченных административного совета, отказался что-либо обещать от имени брата, но согласился отпустить от себя польские части, обязался не призывать войск Литовского корпуса и перейти через Вислу со своими русскими полками — при условии, чтобы его не тревожили во время отступления и снабдили съестными припасами.

Во время отступления, встречая польских солдат, спешивших присоединиться к восставшей армии, он приказывал им построиться, производил мелочный осмотр и рекомендовал не забывать его добрых советов, повторяя беспрестанно:

— Это мои дети; ведь это я обучал их военным приемам.

Офицерам он говорил:

— Я более поляк, чем все вы. Я женат на польке. Я так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-русски.

...Позже, когда начались военные действия, Константин Павлович при виде того, как польские уланы отбросили русскую кавалерию, не удержался и захопал в ладоши:

— Bravo, дети мои! Польские солдаты — первые солдаты в мире!

Он так радовался неудачам Дибича, напевая под его окнами «Jeszcze Polska nie zginęła», что фельдмаршал попросил императора отозвать Константина. Тот умер на пути в Санкт-Петербург, в Витебске, 27 июня 1831. Его последние слова были обращены к княгине Лович:

— Скажи императору, что, умирая, я заклинаю его простить поляков.

4 декабря 1830 окончательно сформировалось временное правительство из 7 членов: кн. Адам Чарторыский, Михал Кохановский, граф Людвиг Пац, Леон Дембовский, Юлиан Немцевич (генерал, поэт и романист), проф. Лелевель, Владислав Островский. В основном — «белые», как и Хлопицкий с Любецким. «Красные» наблюдали за правительством через посредство Патриотического клуба.

Хлопицкий отделался от Высоцкого, отправив его в полк капитаном, и от Заливского, поручив ему организовать восстание на границе Курляндии и Литвы. Подхорунжие, которых Хлопицкий сначала хотел предать военному суду, образовали вместе со студентами «легион чести». 5 декабря Хлопицкий, произведя смотр войскам, на который он явился в наполеоновском мундире, совершил нечто вроде государственного переворота. Он вошел в зал заседаний, поставил в вину членам

правительства их пустые разглагольствования, насилия клубов, недисциплинированность армии, объявил совет распущенным и провозгласил себя диктатором. Он был тогда чрезвычайно популярен.

Хлопицкий постарался успокоить Австрию и Пруссию, обязавшись уважать их границы.

Любецкого и Езерского он послал в Санкт-Петербург для переговоров — ходатайствовать перед «королем» о соблюдении конституции, о свободе и гласности заседаний сейма, вотировании налогов палатами, об охране королевства исключительно польскими войсками и присоединения к Польше «восьми воеводств».

Николай I 3 (15) декабря 1830 после парада объявил своим войскам о «преступлении» поляков, однако прибавил: «Когда вы выступите против поляков, не забываете, что вы с ними братья единокровные». Он выказал величайшую холодность французскому поверенному в делах Бургоэну и отдал приказ Дибичу о мобилизации русской армии.

17 декабря он обратился к полякам с воззванием, в котором клеймил «гнусное посягательство» 29 ноября; требовал, чтобы послушались «отеческих советов» и «поведений своего короля», приглашая польскую армию следовать примеру «храброго конно-егерского полка» (оставшегося на стороне русских в ночь с 29 на 30 ноября).

Когда эти факты стали известны в Варшаве, они возбудили сильное раздражение в клубах. Адам Чарторыйский счел долгом возглавить депутацию только что созванного сейма и потребовал объяснений у Хлопицкого.

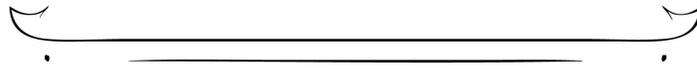
Диктатор высокомерно отказал, заявив, что намерен «управлять именем конституционного короля».

Оскорбленный сейм отнял кандидатуру Хлопицкого, но затем, ввиду бурных протестов армии и народа, возвратил ее, но назначил ему «в помощь» двух комиссаров. Зато Хлопицкий добился приостановки заседаний сейма.

В Санкт-Петербурге Любецкий и Езерский были приняты сначала канцлером Нессельроде, который высмеял требования «восьми воеводств». Когда депутаты были допущены к царю, он повторил им сказанное в воззвании 17 декабря.

Его манифест к русскому народу от 24 декабря, в котором он клеймил поданных, «осмеливающихся диктовать условия своему законному государю», лишил депутатов всякой надежды.

Оставалась Европа, к которой варшавский сейм и обратился, ссылаясь на трактаты 1815 года. Но Николай I договорами о взаимной гарантии уже обеспечил себе соучастие Австрии и Пруссии. Пальмерстон не хотел ссориться с Россией из-за таких незначительных клиентов английской торговли, как поляки. Во Франции мнения разделились.

Передовая партия ссылалась на 20-летнее братство по оружию, на славную память Домбровского и Понятовского, на необходимость в интересах Европы не дать погибнуть свободной нации. Но партия, желавшая остановить революцию во Франции и Европе, стала у власти 13 марта 1831 в лице Казимира Перье. Тогда Николай, на время отказавшись от высокомерного предубеждения против Июльской монархии, послал верительные грамоты своему послу в Париже Поццо ди Борго и дал понять, что ему будет приятно снова видеть послом в Санкт-Петербурге графа де Мортемара. Последний получил инструкцию: в тех случаях, когда речь пойдет о Польше, руководствоваться только текстом трактатов 1815 года.

В Варшаве не могло образоваться умеренное правительство. Партия действия, находившаяся в сношениях с Лаффигом и с франко-польским комитетом в Париже, насчитывала в сейме 2\3 голосов.

При первых известиях о неудаче переговоров в Санкт-Петербурге сейм возобновил свои заседания. Хлопицкий нарисовал мрачную картину общего положения Европы. Он видел спасение только в примирении с Николаем: «Он ваш король, вы ему присягали». Сейм отнял диктатуру у Хлопицкого и хотел оставить ему командование армией, но Хлопицкий ответил, что намерен служить только простым солдатом.

20 января 1831 командование было поручено князю Радзивиллу, человеку престарелому и не имевшему никакого военного опыта. Затем депутат Роман Солтык предложил объявить Николая и его наследников лишенными польского престола и освободить от присяги на верность не только поляков в Королевстве, но и их братьев в «восьми воеводствах». Сверх того он предложил объявить войну Австрии и Пруссии и не складывать оружия до победы или до полной гибели (Солтык явно смешивал сейм с французским Национальным Конвентом 1793 года).

Чрезмерность этих предложений на первых порах испугала Сейм. Но 25 января 1831, когда приехал Езерский и подтвердил, что Николай дарует полякам только прощение и требует полной покорности, раздались крики ярости; в одну минуту был составлен и единодушно принят членами сейма, начиная с председателя сената Адама Чарторыйского, акт детронизации — отстранения династии Романовых от польского престола. Детронизацию провели marszałek Sejmu Władysław Ostrowski и его брат Antoni Ostrowski, руководитель «гвардии народной».

Этим актом сейм лишил себя всякого права ссылаться перед Европой на текст венских трактатов. Мортемар, проезжая через Польшу, встретил в лесу эмиссаров польского правительства и узнал о намерении сейма вотировать низложение.

Мортемар предупредил, что на его помощь поляки могут рассчитывать только в случае примирения польской нации с королем.

Когда по приезде Мортемара в Санкт-Петербург весть о детронизации подтвердилась, его роль неизбежно свелась к простым разговорам с царскими министрами. Поляки поставили себя вне европейского международного права. Им оставалось только испытать счастье своего оружия.

На другой день после ноябрьского восстания польская армия насчитывала 23 800 пехоты, 6 800 кавалерии, 108 артиллерийских орудий. Правительство развило энергичную деятельность: призвало ветеранов, объявило набор рекрутов, зачисляло в строй поляков, перебежавших из австрийских, прусских и русских земель, поощряло образование вольных партизанских кавалерийских отрядов, равно как отрядов к о с и н ь е р о в, которые в бою должны были добыть оружие у врага, чтобы заменить свои косы ружьями. В марте 1831 польская армия имела в наличии 57 924 пехоты, 18 272 регулярной кавалерии, 3 000 волонтеров — всего 79 000 человек и 158 орудий. После первых боев численность сильно уменьшилась, а в сентябре 1831 поднялась до 80 821 человека — максимум того, что могла выставить страна с 4 млн. жителей.

Население Российской Империи составляло 60 млн. человек. Русские с самого начала смогли выставить 86 000 пехоты, 28 000 кавалерии (в сумме 114 000) и 356 орудий, не считая гарнизонов и крепостной артиллерии. Несмотря на первые неудачи у них в июле 1831 года имелось на лицо более 86 000 человек (потери от холеры превышали все иные). В этот момент численное превосходство русских стало незначительным.

Но все, что осталось от польской армии, созданной Наполеоном и Константином, растворилось в массе рекрутов — храбрых, но не обученных; под русскими же знаменами стояли почти исключительно испытанные войска.

В течение всей войны русские сохраняли двойное превосходство в кавалерии и тройное в артиллерии.

Ни один польский главнокомандующий не стоял на высоте своих задач. Хлопицкий искал смерти в бою и нашел тяжелую рану. Паскевич превышал польских стратегов на целую голову, но и с Дибичем они еле справлялись.

Временное правительство

Восставшая Польша имела хорошо обученную армию в 23 800 человек пехоты, 6 800 кавалерии плюс 108 орудий. В дальнейшем повстанцам удалось довести ее до общей численности 80 821 человек со 158 пушками, но, видимо, в это число входят отряды, действовавшие отдельно от армии; регулярную польскую армию историки

⤿

исчисляются примерно в 50 000 человек. Против нее Россия без труда выставила армию в 114 000 человек.

В ночь с 3 на 4 декабря (с 21 на 22 ноября по юлианскому календарю) в Варшаве образовалось Временное правительство (Rząd Tymczasowy) во главе с кн. Адамом Чарторыйским, сторонником компромисса.

Рост революционных настроений в стране, требование полного разрыва с Россией вызвали установление диктатуры Хлопицкого 5 декабря 1830 года (23 ноября). Но этот популярный наполеоновский генерал тоже опасался решительных действий и развития революционного процесса. Он отправил в Петербург посольство в надежде, что император Николай I согласится, простив полякам революционную вспышку, дать Польшу под властью своей династии вполне обособленное политическое существование. Но государь потребовал безусловной покорности.

Тогда сейм, собравшийся еще в декабре 1830 года, принял свою самую решительную меру.

23 января 1831 года генерал Хлопицкий ввиду провала его попытки договориться с царем сложил с себя диктатуру и отказался от звания командующего; командующим сейм назначил князя Михаила Радзивилла, с неохотой принявшего этот пост. А 25 января 1831 года (по нов. стилю) сейм принял акт о низложении Николая I с польского престола. Князь Адам Чарторыйский подписал «акт детронизации», но заявил нескольким сеймовым «послам» (депутаты сейма называются по-польски «posły»), что они «погубили Польшу».

Дело в том, что до этого магнатское руководство движения («белые») стояли на почве законности, требуя восстановления конституции 1815 года, дарованной Польше царем Александром. Такая позиция давала правое обоснование дипломатическим демаршам западных держав в пользу поляков перед царем. В воздухе носилась идея военной поддержки поляков в той или иной форме. Но после «акта детронизации» вмешательство европейских держав стало невозможным.

Чарторыйский и его друзья надеялись только на помощь Европы и на соглашение с Николаем. Они были реальными политиками и видели страшное неравенство сил России и Польши. Отказ Николая от соглашения и требование полной, безусловной покорности возмутил поляков, и они единодушно низложили своего «круля Миколая». Теперь, с точки зрения Европейских держав, поляки превратились в мятежников против своего законного монарха. Англия не могла поддержать революцию. Л. Толстой изображает это с некоторой перестановкой событий: «В конце лета газеты принесли известие о Парижской революции. Вслед за этим стали приходить известия о готовящихся беспорядках в Польше. Ячевский со страхом и надеждой ожидал с каждой почтой известия об убийстве Константина и

⤿

начале революции. Наконец в ноябре получилась в Рожанке сначала весть о нападении на бельведер, о бегстве Константина Павловича, потом о том, что сейм объявил династию Романовых лишённой Польского престола, что Хлопицкий объявлен диктатором и польский народ опять свободен.

Восстание не дошло ещё до Рожанки, но все обитатели её следили за ходом его, ожидали его у себя и готовились к нему. Старик Ячевский переписывался с старым знакомым, одним из главарей восстания, принимал таинственных евреев-факторов не по хозяйственным, а по революционным делам и готовился присоединиться к восстанию, когда настанет время. <...> Ванда отослала свои бриллианты подруге в Варшаву с тем, чтобы вырученные деньги отдать в революционный комитет». (Толстой, «За что?»).

Патриотизм польского народа подталкивал снизу его вождей, которые заседали в Варшаве и тратили время на интриги. Традиционное для польской «шляхетской демократии» отсутствие дисциплины, борьба партий и группировок за власть ослабляли восстание.

Николай I, *zdetronizowany uchwałą sejmową*, ответил на постановление варшавского сейма об отстранении Романовых от польского престола своим манифестом от 25 января (6 февраля) 1831 года.

Реакция русского общества на польское восстание

9 (21) декабря 1830 Пушкин писал Елизавете Михайловне Хитрово (Оригинал по-французски): «Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены, и таким образом ничего из того, что сделал Александр, не останется, так как ничто не основано на действительных интересах России, а опирается лишь на соображения личного тщеславия, театрального эффекта и т.д.» И далее: «Мы можем только жалеть поляков. Мы слишком сильны для того, чтобы их ненавидеть, начинающаяся война будет войной до истребления — или по крайней (une guerre d'extermination) мере должна быть таковой. Любовь к отечеству в душе поляка всегда была чувством безнадежно-мрачным (un sentiment funebre). Вспомните их поэта Мицкевича. — Все это очень печалит меня. Россия нуждается в покое».

2 (14) января 1831 Пушкин пишет Вяземскому: «О Польше нет ни слуху ни духу. Я видел письмо Чичерина к отцу, где сказано *il y a lieu d'espérer que tout finira sans guerre*. Здесь некто бился об заклад, бутылку V.C.P. противу тысячи рублей, что Варшаву возьмут без выстрела». Это писалось в Москве, но не только москвичи

полагали закидать шапками поляков и ставили тысячи против бутылки «Вдовы Клико», что бунт будет скоро и легко подавлен.

21 января (ст. стиль) Пушкин снова пишет Элизе Хитрово: «Вопрос о Польше решается легко. Ее может спасти лишь чудо, а чуда не бывает. Ее спасение в отчаянии, una salus mullat sperare salutem, а это нонсенс. Только судорожный и всеобщий подъем (*une exaltation convulsive et g n rale*) мог бы дать полякам какую-либо надежду. Стало быть, молодежь права, но одержат верх умеренные, и мы получим Варшавскую губернию, что следовало осуществить уже 33 года тому назад. Из всех поляков меня интересует один Мицкевич. В начале восстания он был в Риме, боюсь, не приехал ли он в Варшаву, чтобы присутствовать при последних судорогах своего отечества.

Я недоволен нашими официальными статьями. В них господствует иронический тон, не приличествующий могуществу. Все хорошее в них, то есть чистосердечие, исходит от государя; все плохое, то есть самохвальство и вызывающий тон, — от его секретаря*. Совершенно излишне возбуждать русских против Польши. Наше мнение вполне определилось 18 лет тому назад**.

В следующем письме к ней, не позднее 9 (21) февраля, Пушкин писал: «Последний манифест государя превосходен. По-видимому, Европа предоставит нам свободу действий (*l'Europe nous regardera faire*)». Он не ошибся.

Первые успехи польских повстанцев вскружили им головы. В Варшаве открыто говорили и писали, что Балтийское море на севере, Черное море и Карпаты на юге, Днепр на востоке должны быть естественными границами воскресшей Польши. Испуганные таким размахом князь Миттерних и Фридрих-Вильгельм III, прусский король, поспешили заключить с Николаем I конвенцию, направленную против повстанцев.

Отправляя делегатов для переговоров с царем, Варшава дала им императивный мандат: требовать возвращения будущему автономному королевству «восьми воеводств», т.е. Литвы, Белоруссии и половины Украины. Это вызывало ожесточение в России и ухудшало ситуацию повстанцев в европейской дипломатии.

Им сочувствовали только во Франции. В декабре 1830 — январе 1831 в Париже происходят общественные манифестации в пользу Польши. Луи-Филипп не желал и не мог вмешиваться в польские дела силой оружия. Польские представители в Париже ходили не к королю, настроение которого угадали, а к премьер-министру, который им вполне сочувствовал. Он, однако, больше

* Блудов

* Т. е. В 1812 году, когда поляки воевали Россию с Наполеоном.

выражал свою симпатию словами и денежными взносами в кассу польского комитета в Париже.

Новое польское правительство возникло революционным путем, а потому не было признано ни одной державой Европы: в этом смысле кн. Чарторыйский был прав, акт детронизации погубил Польшу. Но правы были и «красные» — лишь всеобщая революция могла бы дать полякам надежду, как сказал Пушкин.

Уже в ноябре 1830 имп. Николай I срочно вызвал фельдмаршала Дибича-Забалканского из Берлина, куда посылал его договариваться с прусским королем о совместных действиях против революции во Франции. Дибич обещал государю, который поручил ему армию против Польши, подавить восстание одним ударом.

Военные таланты Ивана Дибича (из силезских баронов von Diebitsch und Narden) государь ценил очень высоко. Дибич в свое время отличился еще при Аустерлице, Эйлау, Фридланде, Гейсберге; его боевую карьеру увенчала победа над Турцией в 1829 г., приведшая к Адрианопольскому миру, по которому султан признал независимость Греции и сделал большие уступки России. Но в Польше Дибич просчитался.

С армией численностью 114 000 человек он вступил в пределы Польши через двенадцать дней после «акта детронизации».

Национальное правительство. Война.

29 января 1831 в Варшаве образовалось Национальное правительство (Rząd Narodowy). В нем председателем (prezes) был избран князь Адам Чарторыйский; он взял на себя ведомство иностранных дел. В Жонд Народовый вошли также Лелевель и Островский. Князь Чарторыйский, не обладая сильной волей, играл пассивную роль в событиях, хотя проявил самоотверженность и даже подвергал опасности свою жизнь на полях сражений. Он был вождем тех, кто хотел возродить магнатскую Польшу; он и его друзья блокировали проведение каких-либо прогрессивных реформ.

Патриотическое общество резко критиковало правительство князя Адама. Когда Лелевель, председатель Патриотического клуба и в то же время член правительства, назвал князя Адама «изменником», князь хотел подать в отставку. Однако его сторонникам удалось еще на некоторое время удержать князя Адама в качестве председателя Жонда Народового.

В самой середине суровой зимы, 25 января 1831 года (по стар. стилю) огромная русская армия под командой Дибича-Забалканского перешла Буг и вступила в Царство Польское. В походе участвовал цесаревич Константин, который командовал гвардейским корпусом, обычно находившимся в резерве.

⌒
—————
⌒

Первое сражение под Стоцком, 5 февраля 1831 (нового стиля), закончилось победой поляков. Они взяли в плен некоторое число русских солдат и захватили шесть пушек. Россия была удивлена, хотя об этом официально не сообщали, но слухи о неудаче бродили в салонах Петербурга.

Затем Дибич отгеснил польскую армию к Висле; под Вавром 7-8 (19-20) февраля, т.е. через две недели после битвы при Стоцке, поляки потерпели поражение. 13 (25) февраля в сражении под Гроховым, недалеко от Варшавы, польская армия вновь была разбита. В Гороховской битве участвовала русская гвардия. Сразу после этого поражения они отступили к Варшаве; 14 (26) февраля князь Радзивилл ушел в отставку, и главнокомандующим стал Ян-Зыгмунт Скшинецкий.

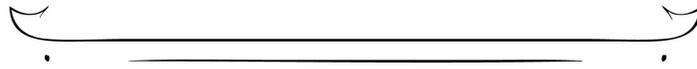
После этого наступило затишье в военных действиях, и цесаревич Константин с разрешения фельдмаршала Дибича уехал в Белосток к больной княгине Лович, своей жене. Он прибыл туда 18 (30) февраля, недовольный ходом военных дел, и способом ведения войны; в частности он порицал суровость расправ над повстанцами и «реквизиции» (т.е. грабежи).

Военные действия шли вяло, Дибич проявил нерешительность. Поляки надеялись на помощь Франции, где им очень сочувствовал председатель Совета министров — Лаффит. Но политика этого либерального банкира казалась королю Луи-Филиппу слишком левой. Лаффиту пришлось уйти в отставку, и 13 марта 1831 года его заменил другой банкир — богатый, консервативно настроенный Казимир Пьер Перье. В кабинете, который он возглавил, Казимир Перье взял министерство внутренних дел. В полном согласии с королем он категорически отказался говорить о военной помощи полякам. Они были предоставлены собственным силам.

Крестьянские массы литовских, белорусских и украинских воеводств не поддержали восстания. План разгрома русской гвардии не удался из-за медлительности Скшинецкого. Наказание последовало быстро: 14 (26) мая в битве при Остроленке с главными силами Дибича поляки потерпели поражение.

1 (13) июня 1831 года Пушкин из Царского Села писал Вяземскому: «Здесь залы очень замечательны. Свобода толков меня изумила. Дибича критикуют явно и очень строго. Тому неделю Эриванский был еще в Петергофе. Ты читал известие о последнем сражении 14 мая. Не знаю, почему не упомянуты в нем некоторые подробности, которые знаю из частных писем и, кажется, от верных людей: Кржнецкий* находился в этом сражении. Офицеры наши видели, как он прискакал на своей белой лошади, пересел на другую белую и стал командовать — видели, как он, раненный в плечо, уронил палаш и сам свалился с лошади, как вся его свита кинулась к нему и посадила опять его на лошадь. Тогда он запел «Еще Польша

* Главнокомандующий поляков Скшинецкий (Skrzynecki).

не сгинела»^{**}, и свита его начала вторить, но в ту же минуту другая пуля убила в толпе польского майора, и песни прервались. Все это хорошо, но в поэтическом отношении. Но все-таки их надобно задушить, и наша медленность мучительна. Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря; мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. <...> Конечно, выгода почти всех правительств держаться в сем случае правила non-intervention^{***}, т.е. избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа. Счастье еще, что мы прошлого году не вмешались в последнюю французскую передрагу. А то бы был долг платежом красен».

Дибич в Польше: неудачи и победы

В январе 1831 фельдмаршал Дибич-Забалканский прибыл в главную квартиру, в Белосток. В приказе по армии он говорил: «Русский штык докажет полякам, что их измена столь же бессильна, сколь и преступна».

5 февраля, зная, что приготовления поляков далеко не закончены, Дибич перешел в границу пятью колоннами, решив идти прямо на Варшаву. Его воззвания «к польским воинам» с приглашением покинуть национальное знамя и манифест царя к русскому народу, в котором царь называл акт детронизации безумием и изменой, были оглашены на заседании Сейма и возбудили живейшее негодование. Зима позволила русским преодолеть реки по льду. Поляки стояли частью слева от них, близ Минска^{*} и Калушина, частью слева от них, близ Остроленки и Пултуска. Против 100 000 русских было 47 000 поляков. Дибич рассчитывал пройти между обеими массами поляков и выйти на Прагу (предместье Варшавы).

Поражение польской кавалерии при Калушине повлекло за собой отступление всей польской армии к Праге. Барон Розен (Григорий Владимирович) и генерал Пален (Петр Петрович) слишком увлеклись преследованием, и главнокомандующий Радзивилл надеялся разбить порознь эти 2 русские дивизии, заманив их в лес и болота Горохова.

19 февраля началась первая битва при Грохове. Пален выступил раньше Розена, не нашел достаточно места, чтобы развернуть свои войска, и на его глазах они были обстреляны 40 пушками Шембека, потеряли два знамени и две батареи.

* «Jeszcze Polska nie zginęła...» - марш Домбровского, впервые исполнен в 1796 в Италии, где польский легион под командой Домбровского начал свой бранный путь в армии генерала Бонапарта.

** Принцип невмешательства.

* Минск – не столица Белой Руси, а одноименный городок на дороге между Седльцем и Варшавой.

Получив подкрепления, Пален в свою очередь заставил отступить поляков, но не смог отбить у них ольховую рощу, служившую им как бы плацдармом (Olszyna).

20 февраля бой возобновился; Розен также потерпел поражение при атаке на Ольшину, потеряв 2 000 человек Дибич, поспешивший на место боя, хотел подождать подхода корпуса Шаховского.

24 февраля русские взяли Бялоленку (Białoleka), но 25-го Круковецкий отнял ее вновь. В этот день русские ожесточенно атаковали Ольховую рощу, Хлопицкий был серьезно ранен, и это лишило оборону руководства, т.к. старый кн. Радзивилл держался только его «советами». Русская артиллерия совершенно подавляла польскую числом стволов и быстротой стрельбы. Затем русская конница массой обрушилась на польские позиции, была встречена в упор огнем пехоты и контратакована с фланга генералом Кицким. Здесь был совершенно уничтожен кирасирский полк имени принца Альберта (русский). Эта блестящая защита обеспечила лишь отступление поляков к Праге. Под Гороховом они дрались со славой, но потеряли 10 000, а русские 8 000. Они могли восстановить силы в Варшаве, тогда как русские стояли открытыми бивуаками среди суровой зимы, нуждаясь в припасах и уже умирая от холеры.

Поскольку Радзивилл обнаружил полную неспособность, Сейм заменил его Скшинецким, который объявил, что спасет честь нации, «т.к. устроит великую могилу для русской армии». Тем не менее он вернулся к политике Хлопицкого и пробовал завязать переговоры с Дибичем.

26 февраля русская пехота с боем вошла в Прагу и разместилась там. Дибич не пытался перейти Вислу: он ожидал предложений капитуляции (в 1794, когда Суворов взял Прагу, Варшава сдалась сама). Но поскольку этих предложений не последовало, Дибич решил расположиться на зимние квартиры, приказал войскам о т с т у п и т ь и разместил по деревням: в Варве стал барон Гейсмар (Федор Клементьевич Гейсмар, весторальский барон, русский генерал), в Дембе-Вельке барон Розен. В это время сейм под нажимом клубов решил распространить восстание и послал корпус Дверницкого в Подолию и Вольнь, а корпус Серавского — в Люблинское воеводство.

Игнацы Прондзыньский, начальник главного штаба польской армии, хороший стратег, узнав, что Дибич делает приготовления в Карчеве для переправы через Вислу, решил попытаться сильную диверсию. Он пробовал склонить Скшинецкого к своему плану: захватить русских на зимних квартирах и уничтожить порознь отдельные корпуса.

~ ~ ~ ~ ~

Скшинецкий потерял две недели на размышления; только в ночь с 30 на 31 марта польская армия перешла через Вислу по большому мосту, который соединяет Варшаву с Прагой и который почему-то не был сожжен Дибичем.

31 марта корпус Гейсмара был захвачен врасплох в Вавре и рассеян менее чем за 1 час, причем потерял два знамени, две пушки, и 2 000 человек пленными.

После полудня в тот же день поляки напали на Розена в Дембе-Вельке. Деревня была взята, русская пехота опрокинута блестящей конной атакой Скаржинского. Розен едва не попал в плен. Его левое крыло было уничтожено, но правое успело отступить под прикрытием ночи.

1 апреля поляки настигли его у Калушина и отняли три знамени. Прондзынский торопил главнокомандующего — воспользоваться разгромом русской армии и взять самого Дибича.

Но Скшинецкий потерял 5 дней, затем двинулся очень медленно, и 10 апреля под Игане его встретил Розен, уже получивший сильные подкрепления и занимавший позицию под прикрытием двух батарей. Эти батареи были взяты поляками и вновь отняты русскими. Атаки русской кавалерии отбиты, и польская пехота захватила деревню штыковой атакой, без единого выстрела. Русские потеряли 1 000 человек убитыми и ранеными, а 2 000 попали в плен к Скшинецкому.

В результате этой великолепной 11-дневной кампании поляки помешали Дибичу перейти через Вислу под Карчевым, и русская армия потеряла 16 000 человек, 10 знамен и 30 пушек. Победа была бы еще решительнее, если бы Скшинецкий не испортил своей медлительностью планов начальника главного штаба. Тем не менее, с этой минуты Скшинецкий прослыл великим полководцем.

Русская гвардия под начальством Бистрома и великого князя Михаила (Константин уже уехал) располагалась между Бугом и Наревом, в деревнях вокруг Остроленки. Надо было помешать Дибичу соединиться с ней. Продзыньский предложил замечательный план разгрома русского гвардейского корпуса, но Скшинецкий загубил эту идею своею медлительностью. Он послал 8 000 человек оставить и задержать Дибича, а сам с 40 000 тайком перешел через Буг и расположился в Сероцке.

Debe Wielkie — селение на дороге из Варшавы в Брест-Литск. В начале марта 31 Дибич двинулся с главными силами к устью Вепша, намереваясь, перейдя через Вислу, направиться левым берегом в Варшаву. Для прикрытия брестского шоссе, фланга и тыла армии, оставлен был 6-й корпус барона Розена, в котором после Грохова оставалось всего 13 000 пехоты и до 5 000 конницы, при 49 орудиях.

Поляки, пользуясь удалением русских главных сил, решили атаковать 6-й корпус превосходными силами и чем отвлечь Дибича от переправы через Вислу.

⌒
—————
⌒

Собрав до 40 000 пехоты и кавалерии, при 116 орудиях, они в ночь на 19/III выступили из Праги и прежде всего обрушились на стоявший вблизи нее русский авангард, которым командовал генерал Гейсмар. Последний, хотя некоторые его части были отрезаны (причем литовский полк, потеряв полк командира, положил оружие), по возможности, удерживал противника и, успев к 4 часам пополудни отойти к Дембе-Вельке, соединился с частью главных сил, занявшею позицию у этой деревни. Атакованный тройными силами, русский отряд потерпел поражение. Только благодаря прибытию 3 свежих полков, ему удалось отступить на Седльца. Урон наш доходил до 55 тысяч, из них 3 000 пленными. Вследствие сражения при Дембе-Вельке Дибич отказался от переправы через Вислу, и Варшава на этот раз была спасена.

Эдвард Дембовски — философ, левогегельянец, революционер. Несколько лет издавал в Варшаве «Przegląd naukowy» и написал «Pismennitswo polskie» (Познань, 1845), где резко осудил консервативность писателей. Погиб под Краковом в 1846.

Великий князь Михаил Павлович и Карл Иванович Бистром, очень встревоженные, поспешили отступить. Поляки заняли Остроленку (Ostrołęka, город на р. Нарев) и преследовали русских по направлению к Белостоку. Однако 3 (15) мая русская гвардия и корпус Дибича все же успели соединиться; теперь они смогли выставить 70 000 против 40 000 поляков.

Русские войска вернулись к Остроленке, вновь захватили этот город и начали переправляться через Нарев. Чтобы помешать им Сквинецкий 26 мая дал кровавое сражение при Остроленке, которое длилось 12 часов. Поляки уступили превосходству русской артиллерии. Окончательно решен был исход боя блистательной атакой русских кирасир Мейендорфа. Поляки потеряли 8 000 убитыми и ранеными, у них погибли дивизионные генералы Каминский и Кицкий. Деморализованная армия Сквинецкого в беспорядке откатилась к Пултуску, а затем к Варшаве.

Дибич стал лагерем и дал армии передышку, готовясь к штурму Варшавы. В это время затихло восстание в Подолии и на Волыни, но первые польские победы повлекли за собой восстание в Литве. В марте-апреле восстание разгорелось в Литве отдельными кострами. Генералы Дезидерий Хлаповский, Генрих Дембинский и Гелгуд были посланы для поддержки этого восстания. Но они не смогли взять Вильно, и вскоре пришлось отойти.

Между тем император Николай I был очень недоволен Дибичем, который обещал взять Варшаву в конце февраля, а вместо этого затянул кампанию. Граф Орлов был послан к Дибичу с предложением подать в отставку. Деликатный разговор состоялся в лагере под Пултуском 9 июня.

— — — — —

— Я сделаю это завтра, — ответил Орлову усталый и больной фельдмаршал Дибич.

На другой день, 10 июня 1831, он умер от холеры.

Поляки во время восстания много писали о жестокостях генерала Дениса Давыдовича, этого «Вольтера русских степей», и о грабежах русских войск.

Что произошло при Остроленке?

После того, как по вине Скшинецкого не удалось нападение на русскую гвардию, армия Дибича 14 (26) мая настигла дивизию Лубинского, быстрым натиском опрокинула ее, взяла штурмом город Остроленку (Ostrołęka, город на р. Нарев) и перешла через Нарев. На помощь к Лубицкому явился с войском сам Скшинецкий. Битва длилась двенадцать часов и носила упорный характер. Ее решила блистательная атака русских кирасир Мейендорфа. Скшинецкий был разбит наголову, поляки потеряли до 8 000 человек, у них были убиты дивизионные генералы Каминский и Кицкий. Разбитая польская армия в беспорядке отступила. Она была деморализована.

После этого Дибич стал лагерем между Пултуском, Ружаном и Пшаснышем; он дал армии передышку и готовил решительное наступление.

В русской армии появилась холера, которая с прошлого года свирепствовала во внутренних губерниях империи и в Москве.

Петербургские салоны, свободные толки которых изумили Пушкина, ругательски ругали и цесаревича Константина, и Дибича. Считали, что цесаревич слишком мирволил полякам и сам виновник восстания; говорили, что он не желает сражаться против своих «подданных» и громко восхищается польскими солдатами, отдавая им предпочтение перед русскими.

Действительно, в одном письме к государю Константин высоко оценивал боевую выучку польских войск, их храбрость в одном из боев и тут же деловито сообщал о потере русскими нескольких пушек. Подтекст был прост: «Мои солдаты лучше твоих», соперничество братьев. Но патриоты большого совета шепотом называли Константина «предателем».

Кончина Дибича и Константина

⤿
—————
⤿

Из Белостока цесаревич к армии больше не вернулся: такова была воля Николая I, который настоял на этом вопреки притворному недовольству Константина, человека столь трусливого, сколь и жестокого. Рейды повстанческих польских отрядов в Литву вскоре испугали цесаревича и вынудили его вместе с больной женой вскоре покинуть Белосток.

В это время перед возобновлением военных действий внезапно умер от холеры фельдмаршал Дибич: это случилось в ночь на 29 мая (10 июня) в с. Клечеве под Пултуском. Еще ранее император Николай принял решение заменить Дибича другим своим любимцем — Паскевичем-Эриванским, которого специально для этого вызвал с Кавказа.

11 июня 1831 (ст. ст.) Пушкин писал Нащокину из Царского Села: «О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Он уронил Россию во мнении Европы и медленностью успехов в Турции и неудачами против польских мятежников. Здесь говорят о взятии и сожжении Вильны и о том, что Храповицкого будто бы повесили. Ужасно, но надеюсь — неправда». И в тот же день Вяземскому: «Потеря Дибича должна быть чувствительна для поляков; по расчету Толь будет главнокомандующим в течение 20 дней; авось употребит это время в пользу себе и нам. Здесь говорят о взятии Вильны и о повешении Храповицкого. Ужасно во всех отношениях! Дай Бог, чтоб это было ложное известие».*

После смерти Дибича главнокомандующим был назначен Паскевич-Эриванский; он отправился в армию на «пироскафе». До его прибытия армией временно командовал Толь.

Как уже говорилось цесаревич Константин с больной княгиней Лович покинул Белосток. Передвигались медленно, и 3 июня ст. стилия (четыре дня после смерти Дибича) прибыл Константин в Витебск, где остановился в доме губернатора кн. Хованского. Он постоянно жаловался на смертельную скуку.

13 (25) июня Константин Павлович почувствовал недомогание, 14-го решил, что он простужен; утром 15 (27) июня «обнаружились первые признаки холеры», а в 8-м часу того же дня он умер.

13 (25) июня Паскевич прибыл в Пултуск и на др. день принял командование армией. Пушкин 26 июня (ст. ст.) писал из Царского Села Нащокину: «Тело цесаревича везут; также и Дибичево. Паскевич приехал в армию 13-го. О военных движениях пока не имеем еще никакого известия».

31 июля (ст.ст.) набальзамированное тело цесаревича привезли в Гатчину; в Петербурге еще свирепствовала холера. Только 15 (27) августа гроб с телом

*М.Е. Храповицкий – русский губернатор Вильны и Гродно. Слухи о взятии мятежниками Вильны и повешении Храповицкого оказались ложными, но эта паника характерна для середины лета, когда судьбы восстания были еще неясны.

Константана был торжественно доставлен в Петропавловский собор, а 17 (29) августа состоялось погребение.

Развал восстания

Жонд Народовый и командование польской армии больше были заняты дипломатической перепиской, ожиданием помощи держав, чем организацией активного сопротивления царизму. Только во Франции общественное мнение требовало помочь полякам. Но правительство Луи-Филиппа ограничилось осторожными представлениями петербургскому двору. Расчеты повстанцев на помощь Европы оказались ложными, а опасения Пушкина — напрасными.

Единственный путь к победе восстания — разрешение аграрного вопроса, наделение крестьян землей и призыв их в ряды защитников родины — был исключен классовым эгоизмом шляхты. Сейм всеми силами противился проведению аграрной реформы. Разочарованные результатами восстания, хлопы отказывались записываться в *rospolite ruszenie* (всеобщее ополчение).

Преступное бездействие польского командования после Остроленки, явное стремление аристократии к компромиссу с царизмом и движение русских войск на Варшаву вызвали в ней революционный взрыв — народные волнения 3-4 (15-16) августа 1831 года. Большую роль в событиях 15 августа сыграла агитация патриотического Общества во главе с Лелевелем, Маврикием Мохнацким и другими. Варшавское население решило низвергнуть Жонд Народовый, бросилось на тех, кого считала изменниками, и хотело расправиться с самим князем Адамом Чарторыйским. 15 августа он бежал из Варшавы; из толпы кто-то выстрелил ему вслед, но прострелил только плащ.

Получив известия, что вооруженный народ вторгся в зал заседания правительства и убивает «белых», командующий Дембинский*, обнажив фронт, двинул войска к Варшаве, чтобы остановить распространение «анархии». 17 августа Жонд Народовый подал в отставку. Сейм восстановил диктатуру в лице генерала Круковецкого.

Лелевель, «историк-политик», не разделял планов этого переворота, не захотел войти в состав Комитета общественного спасения (Komitet Ocalenia Publicznego) и отверг предложения Круковецкого.

Кн. Адам Чарторыйский после этого находился в военном лагере — в отряде генерала Раморино*. Восстание начинало разваливаться.

* Джироламо Раморино – итальянец, родившийся в Женеве в 1792. Его считали побочным сыном Ланна. Простым солдатом сражался при Ваграме (1809). В русском походе 1812 – капитан артиллерии. Участник пьемонтской революции.

Между тем, Паскевич, приняв командование, смелым и рискованным переходом перебросил армию на левый берег Вислы: он сперва двинулся из Плоцка вниз по Висле, а затем переправился через нее у Осеки, близ прусской границы, обошел сильную позицию войск Скшинецкого и вынудил их отступить под валы Варшавы. Пушкин 21 июля (ст. ст.) писал Нащокину: «Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя неприятеля. С часу на час ожидаем важных известий и из Польши и из Парижа; дело, кажется, обойдется без европейской войны. Дай-то Бог».

Наступление Паскевича на Варшаву и вызвало народный бунт 15 августа.

3 (15) августа Пушкин писал Вяземскому: «Кажется, дело польское кончается; я все еще боюсь: генеральная баталия, как говорил Петр I, дело зело опасное. А если мы и осадим Варшаву (что требует большого числа войск), то Европа будет иметь время вмешаться не в ее дело. Впрочем, Франция одна не сунется; Англии не для чего с нами ссориться, так авось ли выкарабкаемся».

14 (26) августа — тому же Вяземскому: «...Варшава окружена, Кржнецкий сменен нетерпеливыми патриотами. Дембинский, невзначай вернувшийся в Варшаву из Литвы, выбран в главнокомандующие. Кржнецкого обвиняли мятежники в бездействии. Следственно, они хотят сражения; следственно, они будут разбиты, следственно интервенция Франции опоздает, следственно граф Паскевич удивительно счастлив».

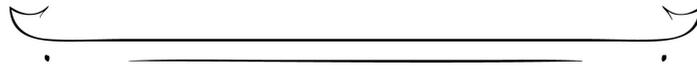
Генрих Дембинский был бессилен против русской армии. Паскевич обложил Варшаву с левого и отчасти с правого берега Вислы. Он предложил мятежникам условия сдачи, которые были отвергнуты.

3 (15) сентября 1831 Пушкин закончил письмо из Царского Села Вяземскому словами: «Варшава должна была быть взята 25 или 26; но еще известия нет». Он получил его в тот же день или 4 (16) сентября от П. Н. Миллера.

Падение Варшавы

25 августа (7 сентября) 1831 года Паскевич начал штурм укрепленного селения Воли, предместья Варшавы. После отчаянного сопротивления поляков, русские в 11 часов утра взяли Волю.

По предложению генерала Круковецкого правительство вступило в переговоры с графом Бергом, уполномоченным Паскевича. Русский командующий требован безусловной сдачи города и возвращения польского народа к покорности. Повстанцы не хотели соглашаться на такой позор и отвергли ультиматум Паскевича. В ходе переговоров Круковецкого о сдаче Варшавы, в ночь с 7 на 8 сентября, объединенные «избы» (т.е. палаты) сейма сместили диктатора и поставили председателем

правительства известного либерального публициста Бонавентуру Немоевского. Он принял это избрание по крайней необходимости, не желая еще более осложнить своим отказом и без того отчаянного положения.

Когда мятежники отказались от безоговорочной капитуляции, Паскевич прекратил переговоры и немедленно приступил к штурму Варшавы (8 сентября). Произошло жестокое сражение, в котором Паскевич получил сильную контузию ядром в левую руку. Скоро поляки были сбиты с отдельных укреплений, и русские войска уже готовились ворваться в город, как поляки «предались безусловно великодушию императора».

На деле капитуляция Варшавы не была разгромом польской армии, ибо она выговорила себе беспрепятственный отход к Модлину. Паскевич потому сделался покладист, что хотел скорее взять город: 26 августа (8 сентября) была годовщина Бородинского сражения, и хитрый хохол захотел сделать из капитуляции Варшавы некий реальный символ. Итак, 26 августа он смог рапортовать государю: «Варшава у ног Ваших, польская армия по моему назначению отходит к Плоцку». Победный рапорт Паскевича повез в Петербург родной внук Суворова, взявшего Варшаву в 1794 году.

За эту победу Паскевич получил лестный высочайший рескрипт от 4 (16) сентября 1831 года и был возведен в звание князя Российской империи с титулом светлейшего и наименованием Варшавского.

11 (23) сентября Пушкин писал П. А. Осиповой (оригинал по-французски): «Не буду говорить вам о взятии Варшавы. Вы представляете себе, с каким восторгом (avec quel enthousiasme) мы приняли это известие после 9-месячных тяжелых неудач. Что скажет Европа? Вот вопрос, который нас занимает».

Уже в сентябре 1831 года была экстренно отпечатано брошюра «На взятие Варшавы», содержащая три стихотворения: одно Жуковского и два Пушкина — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Первое было написано 16 августа, за 10 дней до взятия Варшавы, по поводу речей во французской Палате депутатов, где Лаффайет, Моген и другие призывали к вооруженному вмешательству Франции в защиту Польши. Стихотворение Пушкина кончается встречной угрозой:

Вы грозы на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на костеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди нечуждых им гробов.

Эта ода имела шумный успех. Император был доволен, а Эльза Хитрово моментально перевела «Клеветникам России» на французский язык (перевод не сохранился). Но Вяземский в письме к Пушкину насмешливо отозвался об этой оде, а слова о пространности России назвал «географической фанфаронадой». Николай Тургенев по поводу оды «Клеветникам России» сказал: «Пушкин — хам».

В «Бородинской годовщине» Пушкин варьировал те же темы, обещая незлопамятность («Мы не сождем Варшавы их») и прямо прославляя Паскевича, лежавшего после контузии.

После капитуляции Варшавы война продолжалась недолго. Мелкие отряды мятежников были рассеяны, а главная польская армия, стоявшая близ Модлина, была оттеснена Паскевичем в Пруссию, где сложила оружие.

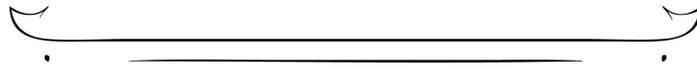
Генерал Раморино 5 (17) сентября перешел австрийскую границу, чтобы укрыться в Галиции, где австрийские власти разоружили его отряд. Находившийся в этом отряде князь Адам Чарторыйский перешел к генералу Ружицкому, надеясь, что еще не все потеряно, но и Ружицкий 16 (28) сентября ушел в Галицию. Князь Адам уехал в Краков, но к городу приближались войска; когда они заняли Краков, князь Адам бежал из него благодаря покровительству австрийских властей.

6 (18) октября 1831 опубликован Высочайший указ о князе Чарторыйском: «повелеваем из списков службы исключить» — так кончался указ.

Князь Адам уехал в Лондон, где виделся с Пальмерстоном и Греем, затем переехал в Париж, где и поселился. Его дом стал центром «дипломатической» партии в польской эмиграции. То были аристократы, монархисты, заклятые враги польской демократии. Князь Адам родился 14 января 1770 и умер 15 июля 1861 в Монфермейле под Парижем.

Расправа

«Только люди, испытавшие то, что испытали поляки после раздела Польши и подчинения одной части ее властям ненавистных немцев, другой — власти еще более

ненавистных москалей, могут понять тот восторг, который испытывали поляки в 30-м и 31-м году, когда после прежних несчастных попыток освободиться новая надежда освобождения казалась осуществимой. Но надежда эта продолжалась недолго. Силы были слишком несоразмерны, революция была задавлена. Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были присланы в Польшу и под начальством то Дибича, то Паскевича и высшего распорядителя Николая I, сами и не зная, зачем они делают это, пропитав землю кровью своей и братьев своих поляков, задавили их и отдали опять во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего честолюбия, ребяческого тщеславия.

Варшава была взята, отдельные отряды разбиты. Сотни, тысячи людей были расстреляны, забиты палками, сосланы. В числе сосланных был и молодой Мигурский. Имение его было конфисковано, а сам он определен солдатом в линейный батальон в Уральск». (Толстой, «За что?»).

Паскевич сурово расправился с восставшими: 5 000 шляхетских семей были сосланы на Кавказ, а имения их конфискованы; 260 студентов были отданы в солдаты; 30 женщин, участниц восстания*, насильственно пострижены в монахини*.

Ивану Федоровичу Паскевичу царь подарил богатое имение Демблин, переименованное в село Ивановское, и указом 23 марта 1832 (ст. ст.) фельдмаршал Паскевич был облачен саном наместника Царства Польского.

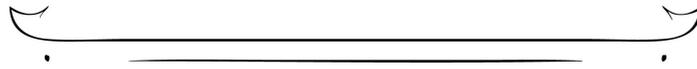
Польская конституция 1815 года была отменена, польская армия распущена, Варшавский университет закрыт. В Царстве Польском была введена строгая цензура. Тупой, жестокий и ограниченный диктатор Польши, Паскевич начал политику русификации. В начале 1833 он доносил царю из Варшавы: «Страх на край уже наведен».

В октябре 1833 под Брестом Завиша неудачно покушался на жизнь Паскевича.

Руководители Ноябрьского восстания требовали от царя соблюдения конституции 1815 года, автономии Царства Польского под эгидой династии Романовых и присоединения к автономному Царству Литвы, Украины и Белоруссии. В ходе восстания его лидеры отказались от социальных преобразований и преследовали демократов, порою даже пытались арестовывать их (например,

* Героизм польской девушки Эмилии Плятер, из знатного рода на Литве, прославил Мицкевич в балладе «Смерть полковника». Эмилия Плятер командовала отрядом повстанцев, одетая в мужскую одежду, и умерла от ран.

Толстой в рассказе «За что?» изображает Альбину, юную патриотку: «Один ран раз мачеха, зайдя в ее комнату, застала ее перед зеркалом в панталонах и конфедератке. Альбина готовилась в мужском платье бежать из дому, чтобы присоединиться к польскому войску».

Лелевеля). Народ почти не поддержал восстания, этой «консервативной революции», по определению Энгельса.

Николай I решил в 1831, сохраняя для Польши название царства, а для себя титул царя польского, уничтожить все, что могло бы поддержать «иллюзии о независимой Польше». Вопреки амнистии, дарованной им — правда, со множеством оговорок — 6 ноября 1831 (н. ст.), избранная часть нации была терроризирована конфискациями, ссылками в Сибирь и переселениями целых семейств. Конституция, дарованная Александром в 1815, была уничтожена; коронавание царя польского отныне должно было совершаться в Москве одновременно с коронацией императорской короной.

Министерства в Польше были уничтожены и заменены управлениями и комиссиями, подведомственными различным русским министерствам; административный совет превратился в собрание директоров под председательством наместника.

Варшавский университет лишился юридического факультета. Национальная библиотека была перевезена в Санкт-Петербург.

Польская армия была распущена, и ее составные элементы распределены по русским полкам; охрана Царства Польского была поручена общим силам Империи.

Вся русская организация (система налогов, судопроизводство, денежная система) была мало-помалу введена в королевстве.

В 1833 попытка Заливского поднять восстание в Люблинском воеводстве кончилась расстрелами и виселицами.

В октябре 1835 царь, показывая варшавским нотаблям новую цитадель, предупредил их, что при малейшей попытке мятежа город будет разгромлен и уничтожен.

Польские ордена сохранились только как русские ордена и раздавались теперь наиболее преданным слугам самодержавия.

На месте, где планировалось поставить памятник Юзефу Понятовскому, позже был воздвигнут памятник Паскевичу.

В 1844 польские воеводства были превращены в пять губерний: Варшавскую, Радомскую, Люблинскую, Плоцкую и Модлинскую.

Паскевич и Варшава

Паскевич прибыл в ореоле славы. Начальником штаба у него был Карл Федорович Толь (еще один остзейский барон). Против 50 000 человек и 142 пушек Скшинецкого, ослабленного отсылкой корпуса в Литву, Паскевич имел 86 000 и 438 орудий.

Он решил во что бы то ни стало перейти через Вислу, рассчитывая, что левый берег, менее опустошенный войной, позволит ему прокормить армию и что Варшаву легче взять с Запада (предместья Чисте и Воля), чем с Востока (Прага).

Скшинецкий утверждал, что «никогда нельзя помешать врагу перейти через реку», а потому не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать этому переходу, или напасть на русскую армию, разделенную надвое Вислой, или помешать ее передвижению по левому берегу.

8 июля Паскевич занял Плоцк. Он делал вид, что хочет переправиться в этом месте, а тем временем Пален при помощи понтонов, присланных из Пруссии, построил мосты в Осецке, и 19 июля армия переправилась на левый (западный) берег Вислы.

Уже 20 июня, при известии о поражении генерала Янковского, в Варшаве вспыхнул мятеж. Правительство (Жонд Народовы), уступая крикам толпы, приказало арестовать этого генерала, а также его зятя генерала Бутковского, еще нескольких генералов и полковников, камергера Феншау (бывшего русского шпиона при Константине) и жену русского генерала Базунова. Они были заключены в варшавский Замок.

Через 25 дней, при известии о переходе русской армии через Вислу, волнения в охваченной паникой Варшаве вспыхнуло с удвоенной яростью, Скшинецкому пришлось подать в отставку; правительство было бессильно поддержать порядок в городе. 15 августа народ оттеснил «народову гвардию» (национальную гвардию), охранявшую замок, и убил в нем Янковского, Бутковского, Базунова, Феншау и еще нескольких генералов. Убийства произошли и в других тюрьмах; общее число жертв — тридцать три ч<е>л<ове>к<а>.

16 августа генерал Ян Круковецкий, после тщетных попыток успокоить толпу, объявил себя комендантом Варшавы. Утвержденный в этой должности Исполнительной комиссией, он рассеял сборища с помощью войск, призванных из армии, арестовал клубистов, закрыл помещение Патриотического общества и начал расследование. 17 августа правительство подало в отставку. Собрался сейм. Он назначил главнокомандующим Генриха Дембинского.

Дембинский продолжил следствие, учредил военный суд, обвинил Круковецкого в бездействии, а Лелевеля — в случайности мятежа. Все ополчились против Дембинского. Его обвинили в стремлении к диктатуре и желании передать Варшаву русским (для подавления мятежа он снял некоторые части с позиций и оголили фронт). Сейм назначил новое правительство из 5 человек и назначил главнокомандующим Круковецкого, который приказал казнить четверых участников убийств 15 августа.

⤿
_____⤿

19 августа русская армия расположилась в нескольких милях от Варшавы. Со стороны Воли угрожали главные русские силы, со стороны Праги — Розен и войска правого берега. На совете польских генералов Круковецкий предложил дать битву перед Волей со всеми наличными польскими силами, Ян-Непомук Уминский — ограничиться защитой города, но захватить обратно территорию на правом берегу Дембинский — избавить столицу от ужасов осады и перейти в Литву с правительством и армией. Кончили принятием половинчатого предложения Уминского: сопротивляться Паскевичу на укреплениях (довольно жалких), преграждавших подступы к городу; Лубенскому с 3 000 кавалерии снова занять Плоцкое воеводство; Раморино* с 20 000-ами получил приказ атаковать русских на правом берегу.

Это разделение армии было величайшей ошибкой польского командования. В Минском воеводстве уже находились значительные силы Адальберта Хшановского (Chrzanowski), который оказался не в состоянии одолеть нескольких тысяч русских под командой Евгения Александровича Головина. Раморино, преследуя Головина и Розена, в минуту величайшей опасности оказался близ Брест-Литовска, 140(?) км от Варшавы.

С западной стороны Варшава защищалась двумя линиями укрепления: в 600 метрах от городского вала тянулся целый ряд редутов, шедших от укрепленного предместья Чисте до деревни Мокотова; в 1600 метрах — второй ряд укреплений, опирающийся на деревню и форт Волю и укрепленную деревню Раковец. Первую линию защищал Дембинский, вторую — Юзеф Бем.

Главнокомандующий Круковецкий, испуганный создавшимся положением, попытался завязать тайные переговоры с Паскевичем. Последний предложил полякам амнистию и некоторые гарантии на будущее, но о «восьми воеводствах» не могло быть и речи. Амнистия не должна была распространяться на литовских повстанцев, в которых царь видел просто взбунтовавшихся русских поданных, не достойных ни малейшего снисхождения. Условия Паскевича были сообщены польскому правительству и с негодованием отвергнуты. Круковецкий ответил русскому фельдмаршалу, что поляки «взялись за оружие для завоевания независимости в тех границах, которые некогда отделяли их от России». Накануне гибели они все требовали вернуть им Литву и Украину.

Армия в Варшаве насчитывала 50 000, но из них 15 000 национальной гвардии. Тогда как поляки ослабили ее безумными диверсиями, Паскевич собрал к себе дотоле рассеянные корпуса Ридигера, Головина и Киприана Антоновича Крейца. У него теперь было более 78 000 человек и около 400 пушек. Пален должен был

⤿
—————
⤿

атаковать слева, князь Шаховский в центре, великий князь Михаил с гвардией справа; Крейц и кавалерия составляли резерв.

Бем дал знать в Варшаву, что он не в состоянии продержаться на своих позициях более 24 часов, «после чего все мы будем или убиты, или взяты в плен».

На рассвете 6 сентября русская артиллерия открыла ураганный огонь по передовым редутам. Они были взяты в штыки русской пехотой, так же как Раковец и другие деревни. Воля была почти окружена. Защищавший ее генерал Совинский на требование сдаться ответил: «Одно из ваших ядер оторвало мне ногу под Бородиным, и я более не в состоянии сделать ни шагу назад». Когда деревня была взята штурмом, бой продолжался в костеле, и Совинский был убит у подножия алтаря. Высоцкий, будучи ранен, сорвал зубами повязки, наложенные на его раны хирургами.

Вылазка, произведенная защитниками второй линии города под начальством Дембинского и Круковецкого, потерпела неудачу; русские уже сильно окопались в укреплениях первой линии. Сам Паскевич устроился в Воле. Всю ночь с 6 по 7 сентября его артиллерия бомбардировала вторую линию; польская артиллерия, которой не хватало зарядов, отвечала с перерывами.

7 сентября в 3 ч. утра Прондзыньский явился перед русскими аванпостами с письмом от Круковецкого, в котором изъявлялась покорность армии и нации «законному государю». Паскевич с целью ускорения переговоров просил польского главнокомандующего явиться к нему.

Круковецкий с Прондзыньским прибыл в 8 ч. утра, указав, что «полное» подчинение, требуемое Паскевичем, слишком унижительно, заявил, что не имеет полномочий от сейма.

— Остановимся на этом, — сказал Паскевич, вынимая из кармана часы, — Через час я начну приступ.

Между тем время шло; в полдень сейм собрался на заседание. Послышались негодующие крики, требовали отставки министров. Островского, Винцента Немоевского требовали предать суду.

Напряженное ожидание было воспринято царем и его окружением как историческая победа. Пушкин и Жуковский около 14 (26) сентября совместно издали брошюру «На взятие Варшавы», где Жуковский поместил «Старую песню на новый лад», а Пушкин — «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину».

В день 8 сентября польская армия, сильно уменьшившаяся вследствие дезертирства, сосредоточилась около Плоцка. Из них 20 000 человек с 92 пушками под начальством Матвея Рябинского перешли границу и сложили оружие на прусской

территории. Рожицкий и Каминский увели с собой 10 000 человек в Краков, а Раморино весь свой корпус (уже только 15 000) — в австрийскую Галицию.

Осталось всего 10 000 солдат, осажденных в Плоцке, Модлине и Замостье. В течение октября они сдались русским.

Паскевича император осыпал милостями. Польское конституционное королевство перестало существовать.

Но в то время как Паскевич совершал свой переход через Вислу, французская армия смогла вступить в Бельгию, прогнать голландские войска и обеспечить независимость нового королевства. Польша спасла Францию и Бельгию.

В сражении под Остроленке особенно отличился Толь, начальник штаба русской армии. По смерти Дибича Толь две недели командовал русской армией, до самого прибытия Паскевича. Толь же приписывали скорое взятие Варшавы, т.к. Паскевич был сильно контужен в самом начале штурма и передал команду Толью.

Постоянные несогласия между Паскевичем и Толем (человеком суровым, строгим и очень независимым) заставили последнего покинуть армию. Толь без дозволения государя вернулся в Санкт-Петербург, государь был к нему неблагодарен. Обиженный Толь внезапно бросил Петербург и уехал в свое эстляндское имение. В 1833 умер герцог Виртембергский, и в октябре того же года Толь был назначен главноуправляющим путями сообщения и публичными званиями.

Судьбы польской эмиграции

Генералы, тысячи польских офицеров и солдат, бежавших в Швейцарию, Францию, Англию, 1831 года образовали грозную силу всемирной революции. Они отныне встречались повсюду, где надо было поддержать борьбу за свободу: в восстаниях Парижа, Берлина, Вены, в революциях в Италии, Германии, Венгрии, Румынии.

Во Франции, где палаты вотировали вспомогательные фонда для польских эмигрантов, где для их детей основали в Батиньоле польскую школу (1842), изгнанники собрались в особенно большом количестве. Князь Адам Чарторыйский возглавлял «белых», и его парижский дом отель Ламбер стал штабом аристократической эмиграции. Иоахим Лелевель заявил, что «шляхта должна соединиться с народом». Он боролся против «дипломатической партии» кн. Чарторыйского и опубликовал знаменитое воззвание «К братьям русским» (призыв к совместной борьбе против царизма), за что правительство Луи-Филиппа в сентябре 1833 выслало его из Франции. Он поселился в Брюсселе.

Во Франции жил и великий польский пианист Фредерик Шопен, возлюбленный Жорж Санд и кумир Европы.

⤿

Адам Мицкевич тоже осел в Париже; он воодушевлял изгнанников своими пламенными стихами. С 1840 по 1844, занимая лекторскую кафедру в Коллеж де Франс, он вместе с Кине и Мишле проповедовал национальные революции и воскресение поработенных народов.

Церковь и кладбище в Монморанси приняли прах многих польских героев, ораторов и поэтов.

Юзеф Бем, странствующий рыцарь революции, совершил португальскую экспедицию, участвовал в австрийской революции, стал генералом в венгерской революционной армии 1848-1849 годов и, наконец, приняв ислам, стал турецким генералом под именем Амурет-паша.

Подводя итоги поражения, раздираемая противоречиями польская эмиграция обсуждала проблему: «нужно ли было братья за оружие?» — «Wić się czy nie bić?» Польская проблема № 1. были резкие критики walki zbrojnej, создававшие program ułożenia się z zaborcami. Эту дилемму должны были решать на практике сторонники королевского легитимизма и инсургеты, профессиональные офицеры Крулевства и заговорщики, «krajowcy» и эмигранты...

Оставшиеся в крае и беглецы ожесточенно спорили и взаимно проклинали друг друга; эмиграция самим фактом своего существования ставила под сомнение ład krajowy, но без края и без всех «краевых компромиссов» она сама потеряла бы всякий смысл.

Но и обвинения по адресу заговорщиков, «красных», якобы погубивших польскую свободу своим экстремизмом, тоже были несправедливы. Spiskowi ze szkoły podchorążych, rozproszajacy «zaburzenia», в конце концов положили конец компромиссному Конгрессовому Королевству и растревожили совесть генералов, вынужденных вопреки своей воле и убеждениям продолжать восстание.

Парижские wychodźcy предприятиями вроде wyprawy Zaliwskiego подвергали земляков репрессиям, а своим участием в африканских колониальных экспедициях в ее противоположность. Практический смысл этих действий был исчезающе малым. Но поражением кончались и все мероприятия тех, которые (тоже в интересах нации) склонны были соглашаться на компромиссы.

Так неужто не следовало бороться? Zatem trzeba było przystać na spodlenie? Этим словом борцы терроризировали соглашателей (ugodowcyw), сами себя считая героями; впрочем, и сами эти соглашатели, хотя бы и неохотно, часто тоже считали борцов героями, или безумцами, или сеятелями опасного фермента. Борцов обвиняли в авантюризме или даже в провокации; эти обвинения исходили не от zaburcyw, а от собственно общества. Тем самым ставился под сомнение последний довод борющихся

— моральный довод, ибо силой они не располагали. И вот этот моральный довод в своем собственном польском обществе получил наименование patriotycznego szantażu.

И однако этому патриотическому шантажу поддавались, хотя и не из личных интересов. «Устроиться» в жизни можно было только в соглашении с zaborcami, nie przeciwnim.

Моральный довод отвергался как безответственный, а также за валленродизм, за заговорщический, тайный образ действий, за искажения человеческого естества конспирацией. И все же люди уступили патриотическому шантажу. Современный историк Томаш Лубеньский пишет о злополучных руководителях Ноябрьского восстания: «И вот люди, выбранные против своей воли, лойялисты, одаренные узурпированной властью, должны были ее принять и как-то исполнять, несмотря на все свои опасения, сопротивления и капитулянтские иссушения, потому что они еще больше боялись морального физического шантажа со стороны тех элементов, которые, как бы их не называть — бунтарями, безумцами или провокаторами, — воспользовались святой идеей независимости.

Патриотический шантаж — категория двузначная.

В Польше народ пел мрачно-веселую песенку: «Poszli naszymy w byj bez broni».

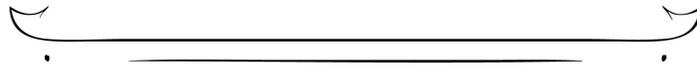
Мохнацкий писал о польских романтиках: «Романтики были революционерами, потому ли, что все принадлежали к союзам, потому ли, что в теории искусства не признавали авторитетов».

Зыгмунт Красиньский (1812 — 1859) — писатель, происходящий из магнатского рода; его отец наполеоновский, затем царский генерал, крайний реакционер. В 1829 году Красиньский оставил Варшавский университет вследствие конфликта с патриотическим студенчеством** и выехал за границу, откуда лишь изредка приезжал на родину.

Писать и печататься он начал еще в Польше, подражая «роману ужасов» и Вальтеру Скотту. Во время Ноябрьского восстания и освободительной войны Польши против царизма Зыгмунт Красиньский по приказанию отца оставался за границей.

По приказанию отца он же в 1833 явился в Санкт-Петербург, чтобы быть представленным Николаю I. Позже в стихотворении «К москалям» Красиньский излил свою ненависть к победителям, говоря (после малодушного унижения перед царем-палачом) о гордости и независимости той среды, из которой происходит, о том,

*Зыгмунт Красиньский находился под исключительным влиянием отца, знатного вельможи, близкого к Николаю I. Еще студентом Красиньский по приказанию отца отказался участвовать в политической демонстрации студентов и стал изгоем в их среде. И дальше Красиньский решал все политические и личные вопросы с точки зрения отца. Для рода Красиньских «отчизна» была неотделима от власти крупной шляхты и католического духовенства.

что он никогда не будет служить москалям. Красиньский, упрекавший демократов (в том числе Мицкевича и Словацкого) за то, что своим призывом к борьбе они попирают учение Христа, сам готов был удушить всех москалей. Высокомерная брезгливость к этим азиатским варварам, русским, типична для Красиньского, как выразителя идиосинкразий крупной шляхты.

В 30-е годы под влиянием исторического опыта Ноябрьского восстания и событий в Западной Европе, изучения новейшей литературы, философии, истории Красиньский создал свои лучшие сочинения. При всех своих противоречиях и консерватизме он был чутким и прозорливым художником.

«Nieboska komedia»

«Будь проклята поэзия!» — восклицает Красиньский устами героя «Небожественной комедии».

Граф Генрик — поэт. Поэзия делает неспособным к настоящей любви, к семейной жизни, потому он может любить только свою мечту, а не живую женщину. Его личная жизнь разбита благодаря поэзии, и поэзия же губит его и на общественной, исторической сцене. Граф Генрик во главе аристократии борется против революции. Но свою среду он так же презирает, как и демократов. Он любит лишь свою мечту, живет в мире призраков и гибнет бесплодно.

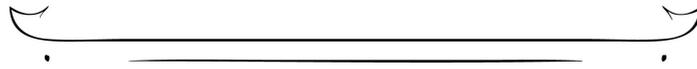
Генрик «осужден навеки за то, что ничего не возлюбил, не чтит ничего, кроме себя и грез своих».

В «Небожественной» противопоставлена революция, аранжированная сатанинскими силами, с демонизмом и жестокостью: вешание шляхтича, отрубание голов, оргия Леонарда с жрицами революции, а сам Панкратий — фанатик, с чертами Христа. Революции противопоставлены аристократы в Okorach Św. Tryjcy.

В драме Красиньского смешивались sprawy wielkie i małe, сфера «sacrum» соседствовала со сферой «profanum». Генрик и Панкратий воплощали две противоположные идеологии и противоположные темпераменты. Epilepsja Orcia, Choroba, często wykorzystywana przez literaturę tamtego okresu, uprawdopodobniała jego ekstratyczne wizje.

Кончалась «Небожественная комедия» великим кличем: «Galilae vicisti!» — повторением легендарных слов Юлиана Апостата.

Образ графа Генрика, несомненно, навеян Байроном, но это не просто подражание байроновским героям: в нем Красиньский выразил драму своей личности. Он сам страдал безволием, неспособностью к реальной жизни. Воля его с детства была направлена железной волей отца, гордого аристократа, который оставался верным русскому царю во времена восстания 1830-1831.

Патриотически настроенный, но во всем привыкший подчиняться отцу, Зыгмунт Красиньский участия в движении не принимал и лишь мечтал о подвигах. Эта раздвоенность усугублялась еще и физическими причинами: нервный, болезненный юноша страдал болезнью глаз, для укрепления которых врачи предписали ему долгое пребывание в темной комнате. В бездействии и тьме он мечтал о силе и подвигах. Ему казалось, что существо его распадается на тело и душу. И вот он с восторгом хватается за философию, которая учит его, что человек вообще двойственное существо, что в человеке два разных принципа — тело и душа, которые должны составить высший принцип — дух. Троичность человеческой природы отвечает троичности Божества. История мира и человека представляет собою ту же троичность: Царство Плоти (Ветхий Завет), Царство Души (Христианство), а Царство Духа еще не наступило. Оно будет осуществлением Царства Божия на земле — «Христовой общественности».

Эта философия изложена им в трактате «Троица в Боге и в человеке». В историософии Красиньского равно содержатся мысли о политике, как и о Боге. Мистическая историософия служила обоснованием патриотических и аристократических идеалов молодого графа. Слияние души и тела в жизни народа — это для Красиньского соединение плоти нации (крестьянства) с душой ее (шляхтой) в единую, высшую нацию — Дух, который станет во главе других народов и поведет их по пути к Царству Божьему на земле.

Мессианистические грезы Красиньского имели большой успех у современников.

Красиньский отличался поразительной политической прозорливостью. В Париже, в Риме и во всей Европе он видел призрак социальной революции и всю силу своего таланта употреблял для борьбы с нею. В «Небожественной комедии» он показал силу ненавистной ему демократии и слабость католических, шляхетских рядов. Вождь демократии Панкратий побеждает в этой борьбе, но, превратив в развалины старый мир, он не в состоянии построить новый, ибо, по мнению Красиньского, только в единении классов возможно созидание. Панкратий погибает, побежденный Христом — символом любви.

Лирическая поэзия Красиньского, его пространные проповеди христианского смирения и покорности (подчинения крестьянства шляхте) никогда не пользовались успехом и даже снижали ему репутацию графомана. Только самые яркие консерваторы, краковские клерикалы, старательно раздували мнимое величие этой лирики.

⤿
_____⤿

Винценты Красиньский (1789-1858) — при вступлении французских войск в Великую Польшу (1806) стал командиром кавалерийского полка. Служил Наполеону, с 1811 — граф Империи. С 1815 — в армии Королевства Польского, сенатор. Человек консервативных взглядов, генерал Красиньский был в милости у Александра I и Николая I. Отец великого поэта, которого всю жизнь сурово угнетал.

В 1835 он анонимно публикует за границей фантастическую драму-видение «Nieboska komedia», где в обобщенно-публицистических образах впервые в польской литературе затронут вопрос о движущих историю социальных противоречиях, о неизбежности гибели старого общества.

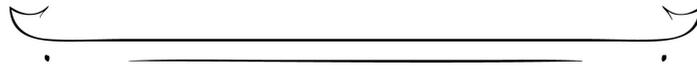
Герой драмы Генрик — представитель шляхты и религии. Старый шляхетско-католический мир борется с новым — с миром «сапожников и портных, черни, руководимой выкрестами и демагогами». Ненавистная чернь, руководимая безжалостным и умным демагогом Панкратием, побеждает. Генрик погибает.

Знаменателен идейный поединок Панкратия с Генриком. Демагог говорит:

«Стон отчаяния и боли тысячей тысяч — голод ремесленников, нищета крестьян, опозоренные жены и их дочери, унижение человечества под игом предрассудков и звериных обычаев — вот моя вера, а бог мой на сегодня — это мысль моя, это мощь моя, которая хлеб и честь распределяет среди них во все времена».

Сила же Генрика — «в моем боге, который отцам моим дал власть». Изображая борьбу аристократов и демократов с консервативных позиций, Красиньский дает в конечно счете отрицательную характеристику защитникам феодальных устоев, показывает обреченность и бессилие даже лучших из них и создает, по выражению Э. Дембовского, «похоронный гимн старому миру». Революционный лагерь Красиньский изобразил в памфлетном тоне, наделив восставших кровожадной мстительностью или слепым фанатизмом, хотя и призывал, что гнев их вызван преступлениями аристократов.

Во второй драме, «Irydion» (1833-1836) Красиньский обратился к истории упадка древнего Рима, изобразил неуклонную работу подтачивающих общество разрушительных сил и показал невозможность поворота истории вспять. Вместе с тем он выступил против идеи насильственного свержения гнета и, осудив «грех ненависти», высказался за пассивное ожидание свободы, даруемой милостью Провидения. Сюжетно эта драма связана с поэмой Мицкевича «Конрад Валленрод»: Иридион — это грек, который мстит римлянам, прикидываясь их другом. Он погибает, но побеждает мистически. Конрад в поэме Мицкевича погибал, успев разрушить изнутри Тевтонский орден. — Различие огромное.

В 40-е годы Красиньский переходит к откровенной защите аристократии и мессианизму. В поэме-видении «PrzedŚwit» (1843) он изображает шляхту как носительницу высоких христианских идеалов. Наконец, он создал «Psałmy przyszłości» (1845-1848), где выставил шляхту ведущей духовной силой нации, а социальную революцию изобразил как бедствие.

Главную отповедь Красиньскому дал гениальный поэт Юлиуш Словацкий, уже сжигаемый чахоткой. В «Ответе на «Псалмы будущего» он обличает консерватизм Красиньского и его страх перед революцией.

Зыгмунт Красиньский умер в Париже, где, кстати, и был рожден. Хотя сам он не хотел даже жить в поработанной стране, его творчество во многих случаях вдохновляло «угодовцев» — политическую партию польских дворян — соглашателей, шедших на вынужденную коллаборацию со своим ненавистным врагом — царизмом — ради сохранения классовых привилегий.

Тем не менее, блестящее художественное дарование Красиньского поставило его в один ряд с Мицкевичем и Словацким. Эти три поэта, все три разделенные соперничеством и враждой, образуют великую троицу польского романтизма.

Красиньский назвал Мицкевича «якобинцем».

Совершенно иной путь прошел другой известный польский поэт — Северын Гоцинский (1801 — 1876). Он родился близ Умани (на Украине), в обедневшей шляхетской семье. Он выступил с революционно-патриотическими стихами, направленными против обскурантизма, аристократии, костела: «Modlitwa wolnego», «Uczta zemsty», «Korab wolności» («Ковчег свободы», 1824, опубл. 1831), и др. В 1831 он издал сборник песен «Робудка».

Гоцинский принадлежал к «украинской школе» польского романтизма, которая развивалась под влиянием украинского фольклора и изучения украинской истории. Он посвятил гайдамацкому восстанию 1768 года на Украине («Колиивщина», Гонта и Зализняк) знаменитую поэму «Zamek Kaniowski» (1828), в которой осудил насилие и преступления шляхты, показал силу народного гнева. Восстание гайдамаков он показал без оттенка польского шовинизма.

Он играл видную роль в польском демократическом движении. С ранней юности преследуемый на своей родине Украине царской полицией, Гоцинский прожил всю жизнь агитатором, революционером, членом политического общества. Участник Ноябрьского восстания, после его подавления перешел австрийскую границу, продолжал революционную деятельность в Галиции, где участвовал в создании «Содружества польского народа» и выступал с литературно-критическими

статьями. Гоциньский — это крайняя левая польского романтизма, как Красиньский — крайняя правая.

В 1838 он переехал во Францию, сотрудничал в демократических изданиях, писал революционные стихи, опубликовал сборник «Trzy struny» (1838), поэму в позе «Krył zamczyska» (1839 — 1840, опубл. 1842) и др. — как и Мицкевич, он подпал под влияние Анджея Товяньского, принадлежал к его секте, и мистицизм на несколько лет заглушил в нем жажду активной борьбы.

Но уже стариком, в 1863, старый поэт собирался снова взяться за оружие и присоединиться к новому польскому восстанию: Только болезнь расстроила его планы. Всю жизнь Гоцинский бедствовал и порою буквально голодал. В 1871, во время коммуны, его нашли в одной из мансард Парижа распухшим от голода. Свои убеждения он сохранил до самой смерти.

Юзеф-Богдан Залеский (Zaleski, 1802 — 1886) был другом юности Гоциньского. Он родился на хуторе Богатырка, Таращанского уезда на Украине, и сам писал, что его «мать Украина в песни пеленала». Начал писать очень рано, примкнул к романтизму. Лучшая часть его наследия: «думки», лирические стихи, поэмы — связана с Украиной, ее природой, историей, фольклором. Мелодичная и задушевная поэзия Залеского окрашена сентиментальной идеалистичностью.

С 1830 Богдан Залеский принимает в восстании и сражается с такой отвагой, что получает от польского революционного правительства золотой крест «Virtuti militari» («За воинскую доблесть»). В эмиграции тон поэзии Залеского меняется. Во Франции он был сначала членом «Демократического общества», но затем отошел от общественной деятельности и занял консервативные позиции. Он поддается преобладающему мистическому настроению польской эмигрантской интеллигенции, пишет религиозные гимны, подпадает под влияние философии мессианизма Мицкевича и пишет мистическую поэму «Дух степи», в которой воспоминания об Украине переплетаются с идеями перевоплощения души. Поздние произведения Залеского уже далеко не на высоте тех, которые он создавал в своей юности, совпавшей с «зарей польского романтизма».

Henryk Rzewuski (1791-1866)

Генрик Ржевуский (Жевуский) родился в Славуте на Волини. Это был апологет аристократии, крайний реакционер, продажный агент царизма в Польше и человек большого таланта.

⤿

В 1839 он издал историческое повествование в форме гавэнды (болтовни) — «Pamiętki J Pana Sewerina Soplicy cześnika parnawskiego», действие которого происходит в середине XVIII века.

В нем Жевуский создал галерею шляхетских типов — забияк, пьяниц, сутяг и невежд из окружения кн. Радзивилла («Panie Kochanku»). Произведения Жевуского одновременно с ироническим отношением к изображаемому проникнуты любованием «сарматским» (старошляхетским) укладом.

Под псевдонимом Ярош Бейла граф Жевусский издал публицистическое сочинение «Meszaniny obuczajowe» («Нравоописательная смесь», 1841-1843); в нем выразились реакционные взгляды писателя, противника национально-освободительного движения. В 40-е годы он был связан с литературной группой консерваторов, сложившейся вокруг журнала «Tygodnik Petersburski».

Противопоставление «сарматизма» западному культурному влиянию сказалось в романе Жевуского «Listopad» (1845-1846), широком историческом полотне из времен Зыгмунта—Августа. По идеологии Жевуский относительно близок к консервативному крылу польского романтизма; однако его сочность бытописания, воспроизведение эпохи через типичные для нее понятия и приметы, ориентация на «заурядного» шляхетского героя — все это сыграло первостепенную роль в дальнейшем развитии польской исторической прозы.

Жевуский написал также романы «Zamek Krakowski» (1847-1848) «Adam Śmigielski» (1851), «Rycerz Lizdejko» (1852), «Zaporożec» (1854). В 50-е годы он был чиновником при царском наместнике в Варшаве и редактировал правительственную газету «Dziennik Warszawski».

Умер 28 февраля 1855 в Цуднове.

Компания палачей и предателей

Указом от 13/25 февраля 1832 в Царстве Польском был утвержден Верховный военный суд для расправы над защитниками и главными участниками восстания 17/29 ноября 1830 года. Всего суду было предано 22 пленника и 265 беглецов заочно. Процесс продолжался 2 года, и перед произнесением приговора имп. Николай, находясь в Модлине (он не захотел въехать в Варшаву), сказал генералу Сулиме, председателю Верховного суда, что надо строго осудить мятежников: «Скоро и строго». Сулима посмел добавить: «Государь! И справедливо». Николаю это не понравилось, и Сулима был заменен.

Членами Верховного суда были ген. Панютин, Окунев, поляки Чарнецкий, Кастеллар и Квятковский — это были самые суровые судьи; судьи, склонные у

умеренному решению, были Даннеберг и Мамонов из русских, Шанявский и Фалинский из поляков; главным обвинителем был презренный поляк Покленковский.

При обсуждении меры наказания присутствующему обвиняемому Винцентию Немоевскому судья Чарнецкий так мотивировал свой вотум за смертную казнь:

«Я обязан обвиняемому Немоевскому своей жизнью, т.к. во врем революции я был арестован полковником Заливским, как плохой патриот, но личная благодарность обязана уступить перед долгом судьи; я высказываюсь за смертную казнь обвиняемому Немоевскому».

Михал Квятковский (род 1773).

Эугениуш-Alexander Rokickowski (1798-18530 — судейский чиновник в Царстве Польском, 1832 прокурор Верховного суда, потом сенатор.

Юзеф Фалинский (род. 1784) тоже был из судейских чиновников Конгрессового Крулества.

Фелиск Юзеф Чарнецкий (+1834) — сенатор-воевода Крулества, в 1832 член Верховного суда — Юзеф Каласантый Шанявский (1764-1843) — польский политический деятель.

Генерал-лейтенант Сулима Никол. Сем. (1777-1840) — участник подавления восстания, как и Панкратьев с Данненбергом.

Польское восстание 1830-1831 годов

Силуэты и лица.

Силуэты и лица.

Хлопицкий (см. также 1-ю тетрадь)

Юзеф Дверницкий

Дембинский

Винценты Немоевский

Бонавентура Немоевский

Михал Радзивилл

Скшинецкий

Прондзыньский

Маурыцы Мохнацкий

Людвик Кицки

Ян Круковецкий

Типичная расправа — князь Сангушко

Юзеф Высоцкий

Петр Высоцкий

Юзеф Бем

Иоахим Лелевель

Удивительное превращение Адама Гуровского

Падение знаменитого рода (Пацы)

Вацлав Ржевуский

Ворцель

Колонна Валевски

Жизнь и смерть Михаила Чайковского

Гауке

Томаш Лубенский

Юзеф Заливский

Владислав Замойский

Юзеф Островский

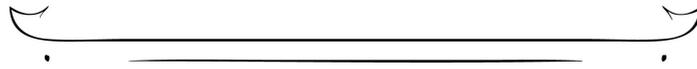
Генрык Каменский

Гжегож Юзеф Хлопицкий (1771-1854) — участник восстания 1794. В 1797 — майор 2-го батальона 1-го польского легиона на службе Французской республики. После легионов служил во французской армии, с 1807 — в войсках великого княжества Варшавского. С 1815 — дивизионный генерал в армии Королевства Польского. Поссорившись с Константином, демонстративно подал в отставку, что снискало ему большую популярность. К восстанию 1830 относился резко отрицательно, но согласился принять диктатуру, рассчитывая ускорить соглашение с Николаем I.

1. Grzegorz Jyzef Chłopicki (1772-1854) — польский военачальник, на службе у Наполеона сильно отличился, особенно при осаде Сарагосы, получил крест Почетного Легиона. Барон Империи. В русском походе 1812 года ранен под Смоленском. В 1814 году вернулся в Польшу. Независимое поведение по отношению к наместнику цесаревичу Константину снискало большую популярность.

При начале «революции 29 ноября» (т.е. варшавского восстания 17/29 ноября 1830 года) Хлопицкий сначала не принимал никакого участия в событиях, но по общему желанию согласился 5 декабря (н. стиля) принять диктатуру, которую сложил уже 23 января 1831. Затем вступил в армию простым солдатом и отличился особенно под Вавром (19 февраля) и Гроховым (25 февраля), где в кровавой битве за Ольшину был тяжело ранен.

10 марта Хлопицкий переехал в Краков, где жил и в одиночестве умер 30 сентября 1854.

2. Józef Dwernicki (1778-1857) — кав. генерал, участник войны Домбровского и Понятовского, русского похода, за Лейпциг и Ганау получил крест Почетного Легиона.

В 1830 быстро организовал 3-ю кавалерийскую дивизию, уже в начале февраля начал драться. 14 февраля 31 выиграл бой под Сточком Подляским с ген. Гейсмаром, а через 5 дней под Новой Ветью с ген. Крейцем (Kreutz).

Посланный с дивизией за Буг, 4 марта взял Люблин. В апреле Рюдигер разбил его части и вытеснил самого в австрийскую Галицию, где 1 мая Дверницкий сложил оружие.

3. Генрих Дембинский

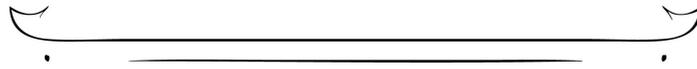
Henryk Dembiński — дельный офицер наполеоновской Великой Армии, великолепный стратег и zagończyk (zagon — рейд, набег) во время Ноябрьского восстания, в котором он zdobył generalskie szlify (эполеты). 10 августа 1831 в лагере под Болимовым Сквинецкий передал Дембинскому dowództwo naczelne. Но Дембинский был главнокомандующим недолго, всего несколько дней.

В эмиграции поступил на службу египетского паши и организовал войско в Сирии. В 1848-1849 был одним из вождей (какое-то время даже главнокомандующий) революционной Армией Венгрии. Человек, который участвовал во всех битвах за свободу, Дембинский был niezłomny, szaleńczo odważny idealista. Летом 1850 он приехал в Париж. Ему было неполных 60 лет. Внушительная осанка, голова старого льва, с совершенно седой головой и усами, с властным взглядом светлых и мудрых глаз. Живое воплощение романтической легенды о трагич<еском> герое. Вся польская эмиграция, раздираемая распрями, окружала его неслыханным уважением.

Молодой живописец Henryk Rodakowski упросил Дембинского позировать для «исторического портрета». Он написал одинокого вождя, сидящего перед шатром, с картой на коленях, и в генеральской венгерской форме. Новый романтический герой — вождь разбитой армии «Генерал Дембинский» получил золотую медаль парижского Салона 1851. Картина вдохновила стихотворение великого поэта Норвида.

Henryk Dembiński (1791-1864)

Воспитывался в Венской инженерной академии, служил в польских войсках Наполеона I, был дельным офицером, несмотря на молодость.

Во время Ноябрьского восстания получил бригаду, прославился походом в Литву и действиями Беловежской пушче, заслужил генеральские эполеты. Великолепный стратег и «*zagończyk*», т.е. конный партизан (по-польски *zagon* значит рейд, набег), Дембинский приобрел большую популярность в армии. 10 августа 1831 в лагере под Болимовым Скшинецкий передал Дембинскому главное командование над армией. Но Дембинский был главнокомандующим недолго.

После падения Варшавы он эмигрировал и вел бродячую жизнь, поступил на службу египетского паши Мехмета-Али и организовал его войско в Сирии. Во время Венгерского восстания в 1849 Дембинский явился в ряды инсургентов, но здесь этот отважный партизан, поставленный во главе крупных венгерских сил (какое-то время даже главнокомандующий), действовал неуспешно. Военное превосходство русской интервенции было слишком велико. Когда стала очевидной невозможность дальнейшей борьбы, Дембинский бежал в Турцию. В 1850 летом прибыл в Париж.

4. Wincenty Niemojewski (1784-январь 1834 — государственный деятель, из знатного рода, с 1818 калишский посол в Сейме, сразу стал во лаве оппозиции как рьяный защитник конституции 1815 года, снискал большую популярность. В 1825 преследования властей дошли до домашнего ареста В. Немоецкого, с запрещением въезда в Варшаву.

После Ноябрьского восстания 1830 он поспешил в столицу, снова заседает в Сейме как посол Калиша, вошел в сосав революционного правительства и там играл активную роль. После падения Варшавы хотел бежать во Францию, но был схвачен на границе, приговорен к ссылке в Сибирь, но по дороге заболел и + в Москве. В «национальном правительстве» был заместителем министра внутренних дел и полиции.

5. Его брат Bonawentura Niemojewski (1787-1835), патриот и публицист, тоже посол Сейма и член оппозиционной группы В. Немоевского, был в Сейме 1830-31 годов членом так называемого *stronnictwa kaliskiego*, которое в точности опиралось на конституцию и занимало центр между «аристократиями» и «демократами». В мае 1831 вместе с Малаховским вышел из состава министерства, но еще активнее действует как посол и публицист. Когда во 2-й половине августа ген. Круковецкий стал *prezesem rządu*, он захотел перетянуть на свою сторону «калишскую партию» и призвал Бонав. Немоевского и *wiceprezesa* Б. Немоевский согласился. В ходе переговоров Круковецкого о сдаче столицы в ночь с 7 на 8 сентября, объединение избы Сейма сместили этого генерала и поставили Бонав. Немоевского председателем

правительства. Он принял этот выбор по крайней необходимости, не желая еще более осложнять отчаянное положение, а после капитуляции ушел с войском в Модлин.

Когда 23 сентября 1831 большой военный совет высказался подавляющим большинством против продолжения борьбы, возмущенный Бонав. Немоевский сложил свою должность и вместе с другими членами правительства вскоре покинул край, отправляясь во Францию. Умер изгнанником в Париже.

6. Кн. Михал Радзивилл (1778-1850), когда Хлопицкий сложил диктатуру, получил от Сейма 21 января 1831 главное командование. Принял неохотно и после гроховской битвы передал верховное командование 26 февраля Скшинецкому.

7. Jan Zygmunt Skrzypecki (1787-1860) — служил Наполеону. В период Конгрессового Королевства получил командование 8-м пехотным полком. Наутро после гроховской битвы назначен главнокомандующим, но надеялся лишь на иностранное вмешательство. В начале марта вел даже переписку с Дибичем, что было дурно принято в Париже и Лондоне. Слабый военачальник. Счастливо продуманный Прондзыньским напад на гвардию по вине Скшинецкого не удался, а в результате — поражение при Остроленке (26 мая 1831), которое деморализовало армию. Скшинецкий вернулся в Варшаву, хотел уменьшить силу Патриотического клуба и реформировать правительство, возможно, в целях достижения диктатуры. Сейм на реформу не согласился, общественное мнение против Скшинецкого. Наконец, он был вынужден 10 августа в лагере под Болимовым передать главное командование Дембинскому. Затем присоединился к партизанскому корпусу ген. Рожицкого, с которым 22 сентября перешел на территорию вольного города Кракова, а оттуда отправился в Галицию.

8. Игнацы Прондзыньски (Prądyński, 1792-1850) — военный инженер, с 1813 адъютант Домбровского. Восстание 1831 застало его pułkownikiem kwatermistrzostwa, был послан укреплять Замостье. Когда главное командование получил Скшинецкий начинаются недоразумения, которые достигли пика после Остроленского поражения 26 мая.

5 июня Скшинецкий уволил Прондзыньского, и тот 16 июня пишет председателю правительства и маршалам «посольской избы» свое оправдание, а по сути дела — обвинения Скшинецкого, которому Прондзыньский отказывает не только в способностях вождя, но и в солдатской отваге.

Вновь призванный на службу, Прондзыньский в начале августа стал квартирмаршалом при Дембинском. Предложенное ему после событий 15 августа

главное командование Прондзыньский принимает при условии разделении его Круковецким; однако, плохо принятый в главной квартире, слагает его другой день.

Составляет план обороны столицы. 4 сентября вместе с Высоцким начинает переговоры с Даненберген, которые затем ведет 7 сентября, по предложению Круковецкого, с графом Бергом.

Сослан в Ярославль, затем в Гатчину, описал по приказу имп. Кампанию 31-го года. 1833 вернулся в Польшу, потом выехал в Краков, умер на острове Гельголанд.

9. Маугусу Мохнацки (1804-1834)

Родился в деревне Боянец (Западная Украина). Выдающийся критик, в дискуссиях 20-х годов выступал как сторонни романтизма, высоко оценил его зачинателей (Мицкевича, Мальчевского, Гоциньского и др-х); писал также о музыке и театре. Мохнацкий стремился перенести на польскую почву концепции немецкой эстетики, прежде всего Шеллинга. Боролся за национальное своеобразие литературы, от литературной критики требовал не приговора художнику на основе свода низменных правил, проникновения «в суть исторического духа народа» через рассмотрение его художественных памятников. Основной труд Мохнацкого — «O literaturze Polskiej w wieku XIX— um» (1830).

Мохнацкий участвовал в деятельности подпольных патриотических организаций. Сначала во имя патриотической мысли он горячо противился плану вооруженного восстания; проницательный, далеко видящий, он яснее всех понимал чрезвычайно малые шансы такого восстания. В конце концов он решился принять участие в Ноябрьском восстании — решился отчаянно, очертя голову, только из солидарности с поколением, к которому принадлежал.

Мыслитель, понимающий объективные факты, всегда сохранял интеллектуальную дистанцию перед явлениями действительности, всегда — кроме вечера 29 ноября 1830, когда он вышел на варшавские улицы. Романтик-позитивист, фигура сложная и противоречивая, Мохнацкий стал одним из лидеров «красных» (демократического крыла в ноябрьском восстании).

После 1831 Мохнацкий эмигрировал во Францию и работал над историей этого восстания («Powstanie narodu polskiego w r. 1830-31», t. 1-2, 1834).

Современный польский историк в эссе «Wieczyr listopadowy» пишет: «Historia powstania narodu polskiego...» — это лучшая политическая книга, какая написана в польской литературе, наверняка одна из лучших в европейской литературе. Ее не переиздают сто лет, потому что авторы, пишущие о Мохнацком, не могут решить, кем

он собственно был: революционером, консерватором или просто гениальным игроком?»

«Wielka Emigracja» после 1831 сильно идеализирована историками. Значение великих романтических поэтов в формировании национального сознания сильно преувеличено. В эмиграции больше читали газеты и манифесты, чем стихи и драмы, а в «краю» знаменитых изгнанников еще меньше знали. Даже Мохнацкий, который в Варшаве провозгласил Мицкевича первым национальным поэтом, в Оксерре словно бы и вовсе не знал о появлении «Дзядов» и «Пана Тадеуша».

«О польской литературе XIX века» — это небольшая книжечка, которую Петр Хмелевский назвал «конституционной хартией романтизма в Польше». Мохнацкий, вслед за Шеллингом считая искусство высшим выражением «национального духа», говорил в этой книжечке: «Действительное бытие имеет лишь то, что сознает свое существование, поэтому имеет бытие лишь тот народ, который пришел к сознанию своего существования, а это сознание выражается в литературе; народы, которые не создали своей литературы, исчезли, каково бы ни было их политическое прошлое; народ, который хоть раз пришел к самосознанию и выразил его в литературе, исчезнуть не может».

Это писалось накануне восстания, книжка осталась незаконченной, потому что Мохнацкий с головой окунулся в борьбу: он боролся и пером публициста, и оружием солдата. Улучив минуту в разгаре борьбы, он вернулся к своей книге и написал предисловие, где есть такие слова:

«Пора, наконец, перестать писать об искусстве. Теперь другое у нас и на сердце, и на уме. Мы импровизируем самую чудную поэму народного восстания. Наша жизнь уже стала поэзией. Лязг оружия и грохот пушек — вот что отныне будет нашим ритмом и нашей мелодией. Не польская литература, но польский край со всем его народом, с полями и степями, — вот что должно нас прежде всего занимать. Немного я найду теперь читателей, и я радуюсь этому... Все экземпляры своей книги я обрекаю на то, чтобы они лежали на книжных полках до тех пор, пока мы не вернем себе политического бытия».

Из этого явствует, что возможность открытой политической борьбы прекрасно лечит от немецкого идеализма.

Призыв превратить поэзию слов в поэзию подвигов не был для него простой фразой. В битве при Остроленке Маурыций Мохнацкий получил четыре раны.

Он умер 20 декабря 1834 в маленьком французском городке Оксерре.

10. Ludwik Kiciński. Родился в 1799 году. Храбрый воин, при «Конгрессовом Крулестве» — полковник в отставке. Был женат на Зофье с Матушевицев, которую воспитала у себя в Пулавах знаменитая Изабелла Чарторыйская. Но первая жена

Кицкого рано умерла. Вторым браком он женился на Наталье з Bizpingyw, но брак их длился всего полгода.

Приняв активное участие в Ноябрьском восстании, Кицкий стал генералом. Jeden z popularniejszych dowódców powstania styczniowego, герой нескольких битв, он мог бы иметь и свою минуту в чехарде польских главнокомандующих, но уже 26 мая 1831 погиб в сражении при Остроленке — пал с саблей руке во время атаки на русские пушки. Его молодая жена осталась беременной. Дочь, родившаяся уже по смерти отца, назвали Людвикой, но жила она мало. Наталья Кицкая умерла в 1888, в возрасте 87 лет, оставила пространные мемуары, в которые включила письма мужа в период восстания.

Кицкий был сыном королевского конюшего и сенатора-воеводы времен великого княжества Варшавского; в 1809 вступил в его армию, сражавшуюся под знаменами Наполеона, вскоре стал адъютантом генерала Рожнецкого, потом капитаном штаба Юзефа Понятовского. Отличился своей храбростью под Смоленском, Бородиным, над Березиной и под Лейпцигом, где был тяжело ранен. — Позже в армии Кралева Польского стал адъютантом цесаревича Константина и камергером императора. В 1830 принял активное участие в восстании, получил чин генерала. Погиб под Остроленкой 26 мая 1831.

11. Граф Ян Круковецкий (Krukowiecki, 1770-1850) — в русской службе назывался Иваном Петровичем. Род Круковецких получил графский титул в Галиции в 1794. Ян Круковецкий служил в австрийской армии, потом в армии Великого Герцога Варшавского и Царства Польского.

В 1830 инсургенты поручили генералу Круковецкому дивизию и назначили генерал-губернатором Варшавы; он много сделал для укрепления столицы и строго наблюдал за порядком, но не пользовался доверием инсургентов. Вытесненный из этого положения своим личным врагом главнокомандующим Скшинецким, Круковецкий стал во главе одного радикального кружка и после народного возмущения 15 августа 1831 совершенно захватил власть в свои руки; напуганный сейм выбрал его в президенты с диктаторской властью.

Круковецкий, однако, не обнаружил ни стратегических талантов, ни мужества и после кровавого боя у Воли (6 сентября нового стиля) начал с русскими переговоры о добровольной сдаче, во время которых сейм его сместил. После взятия Варшавы Круковецкий попал в плен, был сослан в Казань, а потом всеми забытый, жил в Варшаве, где и умер.

⌒—————⌒

11. Типичная расправа — князь Сангушко

Князь Роман Сангушко (1880—1881) — отпрыск одной из знатнейших фамилий Литвы. Когда началось Ноябрьское восстание, молодой магнат был отставным кавалергардским корнетом. Но бывший гвардеец царя встал под знамя свободы. Он был взят русскими в плен и, как изменник, лишен чинов, княжеского титула и дворянства. По рассказу Петра Долгорукова, тогдашний гродненский губернатор Михаил Муравьев велел привести Сангушко в губернаторский дом и в зале велел при себе сорвать с него мундир, после чего плюнул ему в лицо. Сангушко был сослан в Сибирь на поселение, в 1832 определен рядовым в 1-й Сибирский линейный батальон и в то же году переведен на Кавказ.

Там он в 1837 за отличие получил офицерский чин. В 1841-1842 служил чиновником в Московском статистическом комитете; воцарение Александра II положило конец его мытарствам. В 1857 Роману Евстафьевичу Сангушко были возвращены княжеский титул и все его права. Будучи крупным землевладельцем Волынской губернии, Сангушко основал много заводов и фабрик, первым завел в этой губернии сахароваренную промышленность. Превратился в капиталиста.

13. Юзеф Wysocki (1809-1974) — польский генерал, участник восстания 1830-1831, после поражения которого эмигрировал во Францию, где много работал в военных мастерских Меца и Тулузы. В 1848 сформировался для Кошута польский легион. Участие в битвах против австрийцев и русских дало ему чин венгерского генерала. После разгрома венгерской революции бежал в Турцию, а оттуда в Лондон и Париж. В 1863 явился в восставшую Польшу, командовал партизанским отрядом возле Ломжи и снова вернулся в Париж, где и умер.

14. Петр Высоцкий (1799-1877) — офицер, один из главных заговорщиков 1830 года; вечером 29 ноября подал сигнал к восстанию Варшавы. Вместе с Дверницким волновал Волынь и Галичину, затем вернулся в Варшаву и в чине полковника защищал редуты во время штурма 26 августа 1831 года. Был взят в плен, сослан на каторгу в Сибирь, в 1857 помилован Александром II.

В начале восстания Петр Высоцкий играл такую важную роль, что Хлопицкий специально позаботился отделаться от него: дал чин майора, и в этом чине Петр Высоцкий некоторое время командовал 10-м пехотным полком.

15. Юзеф Бем род. 14 марта 1794 в Тарнове (Галиция). Воспитывался в кадетском корпусе и <закончил> артиллерийское училище в Варшаве. Вступив в польскую конную артиллерию, участвовал в русском походе Наполеона в 1812 году.

⌢
—————
⌣

За отличие при обороне Данцига (1813) получил от Наполеона орден Почетного легиона.

После преобразования польской армии в 1815 Бем снова поступил в артиллерию, читал лекции в Варшавском артиллерийском училище, но по кончине Александра I был уволен от службы как человек неблагонадежного образа мыслей.

Когда вспыхнуло ноябрьское восстание, Бем поспешил в Варшаву и сразу занял выдающееся положение в польской армии. За отличия в боях при Иганье и Остроленке назначен главнокомандующим всею польскою артиллерией, к<ото>рою он распоряжался весьма искусно во время варшавского штурма.

Эмигрировав в Германию, а потом в Париж, Бем примыкал к консервативно-аристократическому крылу Великой Эмиграции. Большею частью занимался различными научными проектами и ушел в частную жизнь. Европейская революция 1848 вновь пробудила кипучую энергию Бема. В Вене он принял активное участие в Октябрьском восстании и стал одним из главных организаторов обороны Вены от правительственных войск, а по заключении венцами капитуляции успел бежать в Венгрию, где Лайош Кошут поручил ему главное начальство над Трансильванией.

Здесь Бем высказал вновь замечательную энергию и предприимчивость, как в организации военных сил, так и в борьбе против русских и австрийцев, командуя венгерскими войсками в Трансильвании, Бем одержал победу над превосходящими силами Австрии и России. Наконец, русскому генералу Лидерсу удалось разбить <его> под Темешваром и Германштадтом (июль 1849). Вызванный Кошутом в Венгрию и потерпевший новое поражение над Темешваром, Бем бежал в Турцию, принял магометанство и под именем Амурат-паши стал работать над преобразованием турецкой армии.

По настоянию России и Австрии, Амурат-паша в 1850 был удален из султанской столицы и водворен в Алеппо (Сирия). Здесь в ноябре 1850, во главе турецких войск, Амурат-паша подавил кровавое восстание арабского населения против христиан и 10 декабря 1850 умер в Алеппо от лихорадки, которой не смог перенести его организм, подорванный трудами и ранами.

Бем был очень талантливым полководцем. Всегда любим своими солдатами.

16. Йоахим Лелевель (1786—1861)

Великий патриот, историк и общественный деятель Польши происходил из давно ополяченного немецкого пода. В 1808 он закончил Виленский университет, где в 1815—1818 и 1821—1824 годах занимал кафедру истории (основатель

романтической школы в польской историографии). После раскрытия тайных студенческих обществ «филаретов» и «филоматов» Лелевель был отстранен от преподавания как их идейный основатель.

Переехав в Варшаву, он установил связь с тайными патриотическими организациями. В 1828 был избран послом в Сейм.

С началом Ноябрьского восстания 1830 Лелевель как признанный идеолог освободительного движения стал председателем *Towarzystwa Patriotycznego* и вошел в Административный Совет. После входа в правительство Лелевель в Вежбне 2 декабря 1830 вместе с Островским составлял более смелую половину депутации. Великому князю Константину он сказал, что то, что великий князь видит, есть не бунт, ale powstanie narodowe, и, посоветовав Константину покинуть край.

При создании Rządu Tymczasowego (в ночь с 3 на 4 декабря) Лелевель проявил некоторую инициативу, но далее не развил ее. Во время przesilenia 17-19 декабря вел себя равнодушно, в Сейме голосовал с большинством, принял пост заместителя министра просвещения. Его обширные мероприятия в этой области не успели осуществляться.

Лелевель участвовал в составлении манифеста, предназначенного для Европы и подчеркивающего законность действий поляков, защищавших конституцию 1815 от нарушений и насилий (официальная дата манифеста — 20 декабря 1830, действительная — 5 января 1831).

Патриотическое общество резко критиковало правительство, и по приказу Хлопицкого Лелевель 11 января 1831 был арестован, но ненадолго.

Ему принадлежит лозунг «*Na Litwę!*» — 25 января 1831 Лелевель произнес в Сейме речь, поддерживая предложение о детронизации династии Романовых и одновременно предлагая обращение к русским и манифест к польскому народу. Он вошел в состав Rządu Narodowego. Коллеги по правительству Чарторыйски и Бажиковски (*Barzykowski*) называли Лелевеля «социалистом», «демагогом». В составе Национального правительства Лелевель добивался принятия ряда революционных мер (наделения части крестьян землей и др.). Шляхта ненавидела Лелевеля за его «агарный социализм» (социализма в этом никакого не было).

В мае 1831 в Сейм были введены литовские и «русские» (украинцы и белорусы) послы, чего горячо добивался Лелевель.

15 августа 1831 восставшая народная толпа вторглась в зал заседаний правительства. Поведение Лелевеля дало повод слуху, что он действовал в сговоре в *Królewieckim* и *Puławskim*, хотя «историк-политик» планов переворота не разделял, в Komitet Ocalenia Publicznego войти не хотел, предложения генерала Круковецкого отверг.

После подавления восстания Лелевель эмигрировал и 29 октября 1831 прибыл в Париж, где возглавил Национальный польский комитет. В эмиграции он становится более радикальным.

В 1832 против известного законопроекта Фергюссона в английской палате общин Лелевель собрал протесты всей Франции; он был против легиона, против португальской экспедиции Бема, против алжирских формирований.

За опубликование Национальным комитетом написанного Лелевелем воззвания «К братьям русским», содержавшего призыв к совместной борьбе против царизма, правительство Луи Филиппа в сентябре 1833 выслало его из Франции. Он поселился в Брюсселе и прожил 20 лет на rue du Chêne, 26, близ Ратуши.

18. Падение знаменитого рода.

Пац — шляхетский род герба Гоздова, восходящий к первой половине XV века. Николай Пац (+1985), епископ киевский, был в 1562 послом в Москве; примкнул к реформации, оставил в 1582 епископскую кафедру и получил должность смоленского Каштеляна. В 1579 издал религиозную поэму «Epistola ad verso Christi Fideis».

Станислав Пац (+1588), коронный подстолий, разбил русские войска в 1564 и 1566.

Михал Казимир Пац (+1682) бил шведов в Курляндии, в 1660 взял Вильно после шестилетней русской оккупации города; известен как враг кроля Яна Собесского.

Крыштоф Зыгмунт Пац (1621-1684), канцлер великого Княжества Литовского, был также врагом Яна Собесского.

Последний в роду Людвик Пац (+1835), генерал и сенатор Царства Польского, стал одним из вождей восстания 1830-1831. За это громадные имения Пацев были конфискованы царем Николаем I.

19. Вацлав Ржевусский (правильнее Жевуски, 1765-1831) — польский поэт, ученый и путешественник по Востоку, популярный благодаря своим романтическим приключениям. Говорили, что в Аравии он принял ислам под именем Эмир-Гутап. Сам себя называл Эмир Тадж уль Фехр, что означало в переводе с арабского «Венец славы». Мицкевич воспел его в поэме «Фарис».

Вацлав Жевуский удивлял мир своими познаниями и фантазией. Его отец был Северын Жевуски — один из инспираторов Тарговицкой конфедерации. Зато Вацлав Жевуский, słynny „Emir”, умер от ран под Дашевым в 1831 году.

20. Ворцель (Worcell)

Станислав Габриэль Ворцель 1799-1857) — сын богатого магната, с юных лет участвовал в революционном движении, член Патриотического общества и активный участник Ноябрьского восстания. Этот граф был руководителем польской демократической эмиграции. Друг Герцена.

21. Александр Флориан Юзеф Колонна, граф Валевский (1810-1868) — побочный сын Наполеона и графини Валевской, род. в имени Walewice. Принял участие в Ноябрьском восстании, после подавления его эмигрировал в Париж, где встретил восторженный прием. Поступив во французскую армию, он сражался в Алжире, затем вышел в отставку и занялся журналистикой. При Наполеоне III — министр. В каких-то мемуарах о нем сказано: «Вальсирует, как полубог».

22. Жизнь и смерть Михала Чайковского (1804-1886)

Михал Чайковский (1804-1886) — польский писатель и воин, непримиримый враг русского царя. Молодым патриотом участвовал в Ноябрьском восстании, в 1831 бежал из Варшавы и эмигрировал в Турцию. Он был красивым, голубоглазым юношей. В Турции принял магометанство и стал называться Садык-Магометом. Бывший вальсер парижских салонов, Садык-Паша стал батькой отборных «султанских казаков» (некрасовцев и запорожцев). Под ним ходили три иррегулярных сотни: украинская, добруджская и кубанская. Садык-паша командовал ими во время Крымской войны и проявил отвагу в боях с русскими.

Уже в весьма зрелом возрасте Садык-паша женился на молодой красивой гречанке Тересе Теосколо. Узнав, что ее связывают дружеские отношения с экономом дома Янковским, престарелый Садык-паша потребовал, чтобы она удалила последнего. Тереса отказалась, и 17 января 1886 Садык-паша покончил с собой выстрелом из пистолета. Ему было 82 года.

Русские называли его Михилом Станиславовичем. На султанскую службу он вступил в 1851; во главе своих «султанских казаков» участвовал в войне против России в 1853-1856. Чайковский был шляхтич с Украины, романист. В Стамбуле он долго жил как официальный представитель отеля Ламбер (Agencji Polskiej князя Чарторыйского). Его жена и трое детей остались в Париже, он сошелся в Стамбуле с Людвикой Шьянецкой, которая фактически стала его женой.

Связь Чайковского со Шьянецкой вызвала скандал и послужила той каплей, которая переполнила чашу терпения князя Адама Чарторыйского и его окружения.

Главным источником разногласий были «плебейские» концепции пана Михала, который (вопреки желаниям Чарторыйского и графа Замойского) не хотел, чтобы

⤵
—————
⤵

будущие польские формирования подчинялись Польше и в случае вступления в Польшу защищали бы имения польской шляхты на Украине.

В 1850 князь Адам отобрал у Чайковского руководство Польской Агенции в Стамбуле и передал Владиславу Косцельскому, рекомендуя Чайковскому вернуться в Париж. В ответ Пан Михал принял ислам и вместе с Людвикой Шньядецкой приступил к энергичной организации польского легиона на султанской службе. До него, например, ислам принял Юзеф Бем. Поляки, принявшие ислам, не подлежали выдаче в силу трактатов Турции с Австрией или Россией. Султан не выдавал мусульман.

[Среди обращенных был участник великопольского восстания Konstanty Borzecki, он же Мустафа Джелалетдин Паша, член генерального штаба Оттоманской Порты, прадед поэта Назыма Хикмета].

Людвика Шньядецка вступила в мусульманский барк с Садык-пашой. Они жили в богатом, большом доме с садом. Однажды ночью в 1851 их дом был кем-то подожжен, дотла сгорел вместе со всеми бумагами. Это была главная потеря: имущество вскоре удалось восстановить с помощью турецких друзей.

Во время Крымской войны Садык-паша командовал польско-казацким легионом (два полка) и находился в Бургасе. На Черном море. Сюда к нему приезжал Адам Мицкевич, взявший на себя посредническую миссию в деле примирения Садык-паши и Замойского. Из этого ничего не вышло, Мицкевич вернулся в Стамбул и умер от холеры.

В 1856, после Парижского мира, султан постепенно ликвидировал легион Садык-паши. В феврале 1865 умерла Людвика Шньядецка, женщина замечательного ума, обаяния и энергии, имевшая сильное влияние на Садык-пашу. Тогда наступил его закат.

В 1872, прощенный русским царем, Чайковский вернулся на родную Украину. Там и разыгралась его драма: он застрелился 4 января 1886 в украинской деревне Пархимово близ Боков. (А родился в деревне Гальчинец под Бердичевым).

Чайковский — автор повестей и рассказов из истории славян, преимущественно украинцев: «Powieści kozackie» (1837), «Wernyhora» (1838), «Kirdžali» (1839) и др. Надежду на будущее человечества и освобождение родины он связывал с казачеством, которое идеализировал в духе реакционных утопий. Культивировал поэтич<ескую> прозу, стилизованную под украинский фольклор; отдавал предпочтение приключенческой фабуле. Лучшим в наследии Чайковского признан роман «Owruzanin» (1841) — из жизни шляхты на Украине в 1812 году.

⌒

23. Маурицы Гауке (1775-1830) — генерал, участник войны 1792 и восстания 1794. С 1798 сражается в рядах польских легионов. Во время осады Мантуи австрийцами, когда поляки защищали ее вместе с французами, Гауке был капитаном артиллерии. С 1806 он служил в войске великого княжества Варшавского, участник войны этого княжества с Австрией в 1809. В Королевстве Польском — генерал от артиллерии, заместитель военного министра, приближенный великого князя Константина, «граф Маврикий Федорович».*

Снискал ненависть в радикальных кругах и 29 ноября 1830, в первый же вечер восстания, был убит как предатель.

24. Томаш Лубенский (1784-1870) в Великом Герцогстве Варшавском стал командиром кавалерийского полка. Участвовал в наполеоновских войнах, сражался в Испании. В Конгрессовом Королевстве стал сенатором. Генерал Лубенский активно участвовал в восстании 1830-1831.

25. Юзеф Заливский (1797-1855) — один из организаторов Ноябрьского восстания 1830, в 1833 предпринял попытку возобновить восстание в Королевстве Польском. Экспедиция не удалась и повлекла за собою жестокие репрессии.

26. Граф Владислав Замойский (1803-1868) — участник восстания 1830-1831, эмигрант, участвовал в организации польских добровольческих формирований в Италии (1848-1849) и Турции (1855). Был соперником Садык-паши (Чайковского) и его «султанских казаков».

27. Юзеф Болеслав Островский (1803?-1871) — участник восстания 1830-1831, беспринципный деятель и пасквильянт (прозвище Iwuś). В эмиграции с 1831, широко известен как бесчестный интриган.

28. Henryk Kamieński — командир эскадрона в Испании, во время ее завоевания Наполеоном, один из участников штурма Сомосьерры, в 1811 произведен в полковники, в 1812 переведен в корпус Раппа, вместе с которым выдержал осаду

* Отца «Маврикия Федоровича Гауке» звали Фридрих Гауке. Этот польский шляхетск<ий> род происходил якобы из Фландрии. Фридрих Гауке (+1810) переселился в Варшаву, был директором лицея. Маврикий Гауке — военный министр, убит в начале восстания. — Его дочь Юлия (род. 1825) вышла замуж за принца Александра Гессен-Дармштадтского, получила титул графини, а позже герцогини Баттенберг и была матерью принца Александра Баттенберга, великого князя Болгарии, а впоследствии графа Гартенау.

Племянник министра Маврикия Гауке был Юзеф Босак-Гауке, игравший видную роль в восстании 1863-1864 и убитый в рядах французских войск под Дижоном в 1870 году.

Гданьска. С 1830 Каменьский был генералом в восставшей польской армии. Погиб в кровавой битве при Остроленке 26 мая 1831, как и генерал Кицкий.

Польская смесь (быт, нравы, история)

Три лика Богоматери особо чтимы в Польше: 1) святая Ченстоховская икона, покровительница Польши; 2) образ Богородицы в костеле Остра Брама, Вильно, покровительница Литвы; 3) чудотворный образ в замковом костеле Новогрудка.

Кавария — женский монастырь в предместье Вильны.

Сад дворца Казановских в Варшаве; мраморные изваяния греческих богов и богинь.

Влока — 20 десятин. Гарнец — j ведра.

«Вербушка — польская песня вербовщиков; разгульные песни вроде казачка или краковяка, бывшие в большом ходу в западных губерниях, когда у нас были вербованные (уланские) полки, где рядовые по польскому обычаю назывались товарищами».

Кобза — округлая балалайка или род бандуры, на которую натянута «кобза струн» (8 струн или 4 пары скрипичных струн).

Казачка — рогаль, рукоять сохи, за которую держится пахарь.

Złoty humor — светлое, радостное расположение духа.

Mieć zajęca w głowie — польская поговорка о болтливом, легкомысленном, вертлявом человеке, который не может сосредоточить свои мысли.

Do naszego brzegu nie rąpie nic dobrego.

Встреча с зубром — дурная примета. В Беловежской пуще матерого зубра называли «старик».

Серомахи — запорожцы называли северный ветер «москаль», северо-западный — «лях», западный — «немец», южный — «турок».

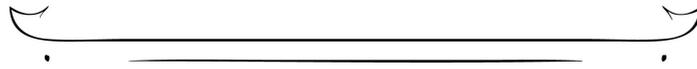
Стопа — мера длины, чуть более 25 см.

«Люсцины» — варшавская: газета 2-й половины XVIII века; ее развозили козаки-почтари. Газета заполнялась скучнейшими известиями о въезде и выезде из Варшавы знатных лиц, об их помолвках, браках, родинах и крестинах.

Панский чулок — вязанный на пяти крутках или спицах.

«Панчизна (белорусск.) — барщина, работа на пана. «Панцырные бояре» — род шляхты или однодворцев в западных губерниях» (Даль).

Wilanuw — загородный дворец, построенный итальянским архитектором Лочии для короля Яна III (Собесского) вблизи Варшавы, среди леса, у озера. Любимая резиденция Яна III (он и умер в Вилянуве).

Орден Белого Орла учрежден Августом Саксонским. Первоначально представлял собой золотую медаль, на лицевой стороне — польский белый орел, вокруг него «легенда»: «Pro Fide, et Lege», на обороте — инициалы «A.R.» (Augustus Rex). Носили его на груди, на голубой ленте.

Скарედный — мерзкий и отвратительный. Ołtarzyk — особые носилки для ношения священных процессиях местных образов. Бабинец — паперть (на ней всегда теснятся нищие бабы).

Чамарка (венгерка) — длинное мужское платье, обычно темного цвета. В XVIII в. одежда слуг.

Лазенки — загородный сад в г. Кутно под Варшавой. Шляхтянки в старинных ротондах, в черных с блестками пелеринках, в длинных шелковых платьях с воланами.

Palatyna — меховой воротник.

Напутствие рыцарям: «Да хранит вас Матка Боска Ченстоховска!»

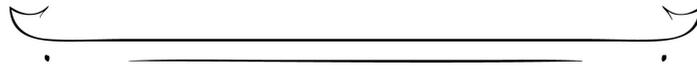
Стремянная чарка оковиты (водка, искат. aqua vitae). Пани XIX в., с высокой прической; в ее покое висит в тяжелой золоченой раме столетний портрет чубатого и длинноусого предка; портрет украшен родовым гербом и веточкой лавра. В углу опочивальни, украшенная лентами, красовалась потемневшая дедовская икона Остробрамской Богоматери (копия иконы из костела Матки Боской на Острой Бране в Вильне). Перед ней на серебряной цепочке горела большая неугасаемая лампада.

Польский городок. Перед костелом квадратная площадь, посреди ее стоят деревянные столы: это съестной рынок. Улица — груда засохшей грязи с затвердевшей колеёй от проехавшей телеги. Площадь окружали небольшие каменные и глиняные (в один этаж) дома с видными в стенах деревянными сваями и столбами во всю их высоту, косвенно перекрещенные деревянными же связями. Все они крыты непомерно высокими крышами, наполненными множеством слуховых окон и отдушин. Недалеко от костела возносилось выше других совершенно отличное от прочих здание — городской магистрат: два этажа, а вверху еще надстроен в две арки бельведер, где стоял часовой. Циферблат городских часов вделан был в крышу.

Гайдук — прислужник в венгерском платье; первоначально была наемная венгерская прислуга.

Староство — государственное имение, данное шляхтичу в пожизненное владение.

Бигос — польское национальное блюдо из сала, колбасы и лаврового листа, жгуче наперченное. С капустой!

Литовский холодец — холодный суп-свекольник, с огурцами, яйцами и сметаной.

Szparagi — спаржа.

Zrazy — жирная рубленая говядина с тертым луком, в сметане. Zrazy siekane — тефтели.

Вишневка, венгерское, токай, czeremchowe miodu, водка с ягодами и пряностями. Зимой пили прусское вино, хорошо подогретое; летом — горячее вино с корицей. В погребах стояли большие пузатые бутылки, запечатанные синим сургучом и опутанные паутиной.

Эразы приготавливаются из говяжьего фарша: жирную говядину нарубить, смешать с булкой и тертым луком, посолить, потушить и подавать со сметаной.

Эразы, фляки, клецки, кныши.

— Если «пугач» (филин) кричит на крыше дома, значит его хозяин умрет.

— На сельских свадьбах музыканты играли на деревянных контрабасах.

Войт (с нем.) — в польских селах приказчик, староста. «Стояла у пана много хлеба в скирдах, были табуны коней и стада rogatego bydła».

Forga — piygorusz, kita, султан из перьев.

Na pana wszyscy patrząс, powieszają głowy

Zrzucą forgi z szyszakow, i już nie surowy

Mars im w oczach... (Samuel Twardowski)

— Шляхтичи охотятся в бричках, стреляя в сидящих на придорожных вербах туркавок (диких голубей).

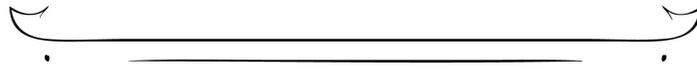
— Pas gruntuw ornuch (пояс пахотной земли).

— Курпы и ксенжаки — два племени, составивших мазурскую группу польского народа. Курпы (курпики) жили в дремучих лесах, охотились на туров, зубров, медведей, бобров; слыли отличными стрелками.

«Для перечня всех преступлений Москалей понадобилась бы воловья шкура». По народному поверью, дьявол записывает грехи человечества на воловьей шкуре.

Аист — божья птица: за каждого убитого аиста Бог берет одного ребенка (польское поверье).

Турья течет через полесскую равнину, среди чудесных цветущих лугов, через леса, в зарослях, через широко разлившиеся озера. По ночам на луга и болота опускаются густые, как молоко, туманы. За заливными лугами начинаются сосновые

леса, переходящие в непроницаемые пущи. Огромные озера, сплошь покрытые стаями водяных птиц.

Улицы Львова состояли из старых, стеснившихся в кучу домов с маленькими дворами, похожими на дно колодца. Ближе к окраинам дома окружены зелеными садами. За железными решетками изгородей стоят небольшие двухэтажные особнячки, обвитые плющом, диким виноградом, повиликой. На фасадах особнячков названия: Гражина, Люба, Францувка, Пристань. Кое-где «на счастье» прикручены к стенам бронзовые паучки.

Лычаков, Клепаров, Замарстынов — предместья Львова. Львовяне — украинцы и поляки — народ веселый. Они жизнерадостны и впечатлительны, как южане. Они — певцы и юмористы. Говорят львовяне певуче, растягивая слова, и этот певучий, веселый говорок шутливо определяется словом «тай ей».

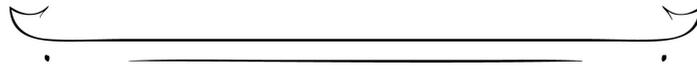
Влока (польская мера) = 16,99 га = 15,55 десятины.

«Siedzi jak stary grzyb» — сидит как старый гриб — сидит сиднем (например, незамужняя девка).

Неподалеку от Кракова, в Станентах, находился большой женский кляштор святого Бенедикта. Монахини содержали в кляшторе гимназию. Древний кляштор (был выстроен в 12 веке) имел холодные кельи, огромные толстые стены. Монахини тихо ползали из кельи в костел и обратно, бледные, желтые, в темных одеждах, перебирая четки и постоянно опустив глаза вниз. По суровому уставу кляштора монашенки не могли ни на миг выступить из предела кляштора. Те, кто вошли сюда, никогда больше отсюда не выходили; умерших погребали в подземных склепах костела, находившегося в стенах кляштора. Монахини считали все книги, кроме молитвенника, дьявольским измышлением. Темные, простоватые хлопы считали глупых и жадных монахинь святыми. Хлопские женщины жертвовали кляштору обильные приношения. Кляштор был твердыней мракобесия, отзвуком инквизиции, крепостью средневековья. Игуменья его тайно переписывалась с иезуитским генералом. У кляштора было богатое хозяйство: 6 200 дойных коров, великолепные фруктовые сады, пасека, рыбные пруды, огороды, сотни гектаров полей.

Маленькая речка Рудава в Краковском воеводстве впадает в Вислу; течет она среди лугов и зарослей.

Граф, владевший деревней, имел единственного сына, который, по панским обычаям, воспитывался в Париже. Раз в году молодой граф приезжал на каникулы домой. Но его здесь почти не видно было: днями и ночами пропадал он на охоте. Шкурки зайцев и др. убитых зверьков Ехиел-Михлу получал на графской кухне почти даром. Как-то раз стояла страшная жара, воздух был раскален. Молодой граф ехал верхом мимо корчмы, и взбрело ему тут спрыгнуть со своего белого коня,

привязать его к изгороди и, зайдя в корчму, попросить стакан меда. Граф хлебнул и скривился. Ясное дело, в погребах отца мед лучше, да к тому бог весть какой давности. Он наверное швырнул бы стакан в голову Ехиел-Михлу, если бы в эту минуту там, в уголке, не мелькнуло белое личико. Молодой граф спокойно поставил стакан, бросил на стол талер и спросил: — Мойше (пань всех евреев зовут Мойше), это твоя дочка? Ехиел-Михл остолбенел. Заикаясь от испуга, он сказал: — Да, да, моя дочь... А молодой граф глаз не мог оторвать от девушки... Назавтра он снова приехал сюда пить мед, приехал на третий, на четвертый день. Девушку спрятали. Граф сердился, но не говорил ни слова, лишь покручивал свои черные усики да гневно сверкал глазами. Как-то он мимоходом заметил, что платит Ехиел-Михл низкую аренду за корчму и что пражские евреи предлагают больше...

Podhajce (Подгайцы) — восточногалицкий город, около 6000 жителей (поляков и евреев). Прежде тут было укрепление, памятное битвой Яна Собесского с турками в 1667 г.

Подгурже (Подгорье) — западногалицкий город на правом берегу Вислы, напротив Кракова, предместьем которого считался.

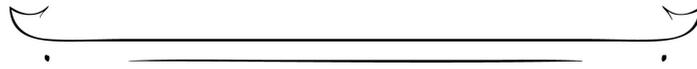
Дембицкие — польский дворянский род герба Гриф, восходящий к началу XVI в. Мартин — Михал Д., сандомирский, был послом на всех сеймах с 1649 г. по 1678 гг. Дембица — галицкий город. В середине 17 в. из Франции в Польшу выехал Генрих де Болье, долго служивший генералом коронной артиллерии и принял фамилию Деболь. Сокуль — волинское местечко в 5 милях от Луцка, на болотистых берегах Стыри.

Сокаль — Галицкий город на правом берегу Буга, со старой крепостью, бернардинский монастырь с костелом. Близ Сокаля в 1519 г. татары разбили поляков.

В тростниках на Днепре были по ночам волки. В Нижнем течении правый берег Днепра назывался русским, левый — татарским.

Курпики разводят пчел, пьют мед; их прыгадывка: О, реты, ретечки, о муй свете! Богатый копит золоты дукаты к калете (денежный мешочек, калита), хова грош на погжеб (похороны). По курпевски «люза» — громада, руй — туча, громада, рой. В шумах пуци поза хата седзи пуцак цалэ лято. Ест ягоды, гжибы вяже сети; курпик в пуце — рыба — в воде. Курпики не знают ни плуга, ни серпа. «Пуца — матка», курпик мовит. Коморжа — гроб.

Когда дует холодом горный ветер, в лесу вличи се недзведзь (бродит медведь. Курп добыва стару фузы, вяже шнуркем, цо е кжива (связывает шнурком что есть криво), подсьога прох в паневки (на полку порох). Ова бронь добыта, еще од шведа, с нею Курп охотится на лося, на дзика.

Иду снега, иду тучи, по едлах (елях) се вихер (вихрь) тлуче; у огнистка курпик сяди, девки прядут (дзевки пжеддну лучива аж до первшей в небе зажи (зари)).

Польска старка — крепкая мягкая водка без сивушного запаха. Пан в суконной венгерке со шнурками и сборчатых шароварах пил старку из серебряной кружки с изображением Косцюшки. «Mieć zajāca w głowie» — иметь зайца в голове — польская поговорка, выражающая легкомысленного, болтливого, вертлявого человека, который не может сосредоточиться в мыслях.

Беловежская пуца — огромный заповедник литовский в Гродненской губернии. Это излюбленное место королевских охот; здесь водились зубры и туры; последние уже перевелись. В топах внутри пуци насыпаны узкие дорожки. На огромных пространствах стеною стоят чащи. В дебрях обитают зубры, лани, кабаны. Изредка торопливая лань с шорохом раздвинет кусты, или треск валежника под тяжелым копытом зубра нарушит молчание пуци. Густая пуца кое-где пересекается болотистыми потовинами, заросшими лозами. Через болота тянутся колеблющиеся узенькие насыпные дорожки, на которых очень трудно разъехаться двум встречным литовским фурманкам. Холодная грязь болот нередко засасывает зубров и др. животных. Деревень в пуце очень немного, и те раскинулись по окраинам пуци, кроме самого селения Беловежи. Только редко встретится в пуце одинокая хата стражника — лесника.

Темномалиновая конфедератка с белым околышем, сабля на боку, рудый конь, жупан, сапоги со шпорами — таков ветеран Домбровского.

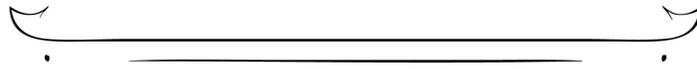
Чаплиньский — подкидыш, польский пьяница, украинский разбойник. Находясь 8 лет на дозорстве* у пана Конецпольского, Чаплиньский многих казаков погубил ложными доносами. Если встретит где-нибудь русского священника, не оставит его без того, чтоб не вырвать волос или бороды и добрым порядком не посчитать ребер кием или обухом. Чаплиньский воровал деньги у Конецпольского, которому служил:

Гварка — право на добывание крушцов, которые давались от польского правительства отдельным лицам (гваркам, объединившимся в компании).

Еще в Киевской Руси в Коломые (город в Галиции) добывалась соль.

В старой корчме можно обогреться и обсушиться; в огромном кирпичном камине тлеет толстый обрубок дерева, а вокруг него весело трещит и издает смолистый запах зеленый вереск. В корчме кирпичный пол, большая зала с нависшим потолком, грубые скатерти на столах. На блюдах жареные гуси, обложенные кисло-сладкой капустой; бигос из колбасы и капусты; зразы с кашей, хлебом и капустой; капустняк с фаршем; жареная серна и мелкая дичь, нашпигованная салом, щука с

* Подстароста (догорца) — помощник старосты, которому поручен дозор над казаками.

шафраном по-еврейски. В графинах водка, наливки разных цветов, бочонок по старый мед, бутылки венгерских вин (лучшее — маслач).

Буты — сапоги.

Крушец — руда, металл.

Бушуют осенние штормы на литовском побережье. Волны выбрасывают золотистый янтарь.

В часы отлива на берег выходят сотни жителей Клайпеды, Паланги и других прибрежных литовских городов и селений. Местные жители говорят: «Юрате дает людям свои дары».

По старинному литовскому преданию, некогда на берегу жила морская красавица Юрате. Она заботилась о том, чтобы люди дружили между собой. За это на нее обрушился гнев злого Перкунаса. Разорил он янтарный дворец морской красавицы, призвал в янтарные края злодеев — тевтонов из германских земель. На защиту поднялся могучий народ каститис. Он разметал в прах тевтонов. Народное поверье говорит: кому подаришь янтарь, тот верный друг на всю жизнь...

Месторождения янтаря в Прибалтике считаются самыми крупными в мире. В республике работают мастерские по обработке янтаря.

Литовская смесь

Жмудь — край, населенный народом, родственным литовскому; в состав Литвы вошел около 1413.

Неподалеку от местечка Румшишки находится «Великан» — крупнейший и очень опасный порог Немана.

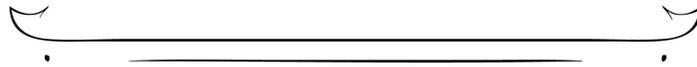
Земли Тевтонского ордена лежали между Вислой и Прегелем. В 1274-1276 тевтоны построили примерно в 200 км от Немана крепость Мариенбург, ставшую столицей Ордена. Тринадцать рыцарей, присягнув, что не будут руководствоваться дружбой, ненавистью или боязнью, избирали достойнейшего, дабы украсить его мечем и крестом — инсигниями Великого Магистра.

Свенторог — великий князь Литовский в XIII веке. В его Виленском замке, согласно обычаям древней Литвы, жрецы поддерживали вечный огонь на жертвеннике.

Великий князь Кейстут прославился непрерывной борьбой против Ордена.

Вильно стоит на Вилии (притоке Немана). Didis = по-литовски «великий»: дед, предок, родоначальник.

Варшава (Warszawa)

Город основан в XIII в.; с конца XVI в. — столица Польши. Неоднократно подвергался завоеваниям и разорениям. В 1648 в Варшаве было менее 18000 жителей. В период Великого Сейма (1788 — 1791) в Варшаве уже свыше 100000 жителей и более 30 замощенных улиц. Город располагался на левом (западном) берегу Вислы, а на правом было большое предместье Прага, которое Суворов взял штурмом в 1794.

Сразу после наполеоновских войн в столице Польши оставалось 81000 жителей.

Известнейший варшавский монумент — колонна короля Зыгмунта. Архитектурные ансамбли — Варшавский замок, Казимежский дворец, Уяздовский замок и Виляновский дворец Яна III (Собесского).

Первый постоянный мост через Вислу построен в конце правления Зыгмунта-Августа (1568 — 1573), а следующий только в 1859 — 1864 (по проекту Станислава Корбедзя). Первая в Польше железная дорога (Варшавско-Венская) построена в 1839 — 1848, а варшавский вокзал открыт в 1846 году.

